

НАНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

Уважаемые читатели!
В номере приводятся аяты из Священного Корана.
Просьба обращаться с журналом бережно.
ГАУ "Издательский дом"

3. 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕНЬ ЧЕЧЕНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

ФОЛЬКЛОР

Анзоран Зазин или. /3/
Дади-Йурт йакхарх или. /11/

ЛИРА

Амина ЗАКРИЕВА
Как хорошо, что вертится Земля... /5/
Анет ТИМЕРБУЛАТОВА
Улыбнись про себя... /13/
Роза МЕЖИЕВА
Кавказ. /31/
Раиса АХМАТОВА
Откровение. /49/
Лула ЖУМАЛАЕВА
Запах снега сквозь
двойные рамы... /55/
Бана ГАЙТУКАЕВА
Блаьргашна блаьрге хилла... /65/

ПРОЗА

Ася УМАРОВА
Рассказы. /16/

Анастасия КУЗЬМИЧЕВА
Притча о спящем драконе. /27/
Инга ХАЯУРИ
Мечта. /36/
Аминат ТАПАЛАЕВА
Юноша на белом коне. /51/
Радима СУМБУЛАТОВА
Мактуб. /61/

КУНАЦКАЯ НАНЫ

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА
Славянск... /23/

К 100-ЛЕТИЮ АХМАДА СУЛЕЙМАНОВА

Роза ИСАЕВА
А. А. Сулейманов-исследователь:
штрихи к портрету. /40/
Асет ХАЛИКОВА
Диалектизмы в легенде «Пхьяьри»,
записанной А. А. Сулеймановым. /45/

КУЛИНАРНАЯ СТРАНИЦА

Кухня народов мира /68/

ДЕНЬ ЧЕЧЕНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

День чеченской женщины — праздник, отмечаемый в Чеченской Республике в третье воскресенье сентября.

Президент Чечни Рамзан Кадыров объявил об учреждении праздника в феврале 2009 года. По его словам, День чеченской женщины должен стать одним из главных чеченских праздников. «Это дань уважения чеченским женщинам, которые во все времена на своих плечах выносили тяготы и лишения, связанные с трагическими событиями истории народа в прошлых столетиях, а также в годы двух военных кампаний», — заявил он. Накануне праздника, 18 сентября 2009 года, в Гудермесском районе был установлен памятник погибшим защитникам Дади-Юрта.

Праздник основан в память о сорока шести чеченских девушках, погибших во время Кавказской войны. В сентябре 1819 года войска генерала Ермолова сожгли чеченское село Дади-Юрт; захваченные в плен сорок шесть девушек во главе с Дадин Айбикой при переправе через Терек бросились в реку, предпочтя смерть плену. В 2013 году в с. Хангиш-Юрт в память о подвиге этих девушек был воздвигнут памятник.

Хазалла гIара йаьллачу Анзоран Зазас,
 Дийнахь дешар доьшуш, буйсанна наб йоцуш,
 Акха дечиг санна, вакъавелла воьду ша,
 Хьуна йевзий техьа, хIай гуьржийн ва кIанат,
 Кху нана Гуьржийчоьхь Анзоран ва Заза?
 Биьнарг дуй бар-кха шен кхоьллинчу ва Делах,
 Шена гIенах ма гарра, Анзоран Заза
 Самах ганза ца Iен аьлла,
 Шена самах йайча йитина ца ваха, –
 – Дакъаза ма вала, мехкан воцу хьо хьаша!
 Ма кIезиг гIуллакх ду, ахь шена гIедеьнарг,
 Шена-ма моттара Петербурхехь вехачу
 Паччахьан хаза йоI йало хьо веана,
 Ахь паргIат даалахь йара хьена ва даар,
 Ахь паргIат малалахь йара маса ва малар,
 КIезиг гIулакх дара шен йоккхачу
 Гуьржийчоьхь, –
 Олуш, аравелира и гуьржийн ва кIанат,
 Гуьйранна суьпа гIовтгучу цу хенахь,
 Набарна Iеса стаг таьIачу цу хенахь,
 ЗазагIеран цIийнан кор ша бухадаьккхина,
 Кхерсташ чувелира и гуьржийн ва кIанат.
 Цо хьалагIаттийра Анзоран ва Заза:
 – Дакъаза ма вала, хьо гуьржийн ва кIанат,
 Дас-нанас бертахь дина захало дохо гIерта хьо?
 Цхьа кIира дIадаьлча хьуна йуьгуш йара ша!
 Собар доцуш хиларна, бехк буьллу ша хьуна, –
 – Ломал доккха ду шеггахь собар, ва Заза,
 Мехкан воцу хьаша воьссина ша волчу,

Буйсанна вижчахь гIенах дуьхьал хьо туйсуш,
 Кийрарчу дагна сел дукха хьо йезаш,
 Акха дечиг санна вакъавели боху цо,
 Цуьнга йахар доьху ша, Анзоран ва Заза, –
 Тикманаш йолу йездарий дегIа дуьйхина,
 Бере кечвалла дети гIодах кьевлина,
 Сов цIена ши пошмакх ша йуьхьар туйьдина,
 Пошмакхийн цу кийрахь
 цIен кIархаш цIийзабеш,
 Ойланан куралла кур аркьал ва туйсуш,
 Цунна гIаьхьа хIоьттира Анзоран ва Заза,
 ЙАлийра цо иза ша вехачу хIусаме,
 Сингаттамо кийрара дог ва дожийна,
 Масачу маларо шен корта хьовзийна,
 ДIатевжина хиллера мехкан воцу хьаша:
 – ХьалагIатта, цхьанделхьа, мехкан воцу хьаша,
 Хьуна гIенах гIов хуьйшу Анзоран Заза
 ТIехIоьттина йу хьуна, вайшиннан хIусамехь, –
 Бохуш, вист ма хилира и гуьржийн дика кIант,
 Сахуьлу седарчий уьдучу цу хенахь,
 Седарчийн серлонаш кьестачу заманчоьхь,
 Механа деза совгIат Зазина делла,
 Шайн махка гIера и шиь новкъа даьккхина:
 – Соьца гIуллакх хилча гIаккха а вогIур хьо
 Гуьржеха, жимаха хьо волуш ву хьуна,
 Шу марша гIолда, нохчий бехачу цу махка, –
 Аьлла, цIехьа вирзина, бах,
 гуьржийн оьзда кIант,
 Нанас дена ма волда, йахь йоцу ва кIанат.

*ДIайаздина 1959-чу шарахь Сулейманов
 Бауддегара Эльмурзаев Сираждина.*

Ли́ра

Амина ЗАКРИЕВА

Родилась в 1974 году. Образование высшее (ЧГПИ). «Мотиватором литературного пути» считает своего школьного учителя русского языка и литературы Любовь Васильевну Богер. По собственному признанию, к поэзии Амина относится «как к миссии». В настоящее время поэтесса часто делится своими стихами на авторской странице в соцсетях под псевдонимом Мина Кон. Стихи Амины глубоко личностны, искренни и, конечно, женственны. В то же время в них угадывается принципиальность и твердая жизненная позиция автора – что, несомненно, подкупает читателя. В печатных изданиях публикуется с 2020 года.

Как хорошо, что вертится Земля...

Мир, вероятно, слишком большой,
Раз не встречаются люди...
Это нечестно, когда хорошо –
Там, где тебя не будет!

Это неправильно, если спокойно!
Небо тяжелое стонет...
Мир, вероятно, огромное море,
Если в нем без вести тонут.

Я не пытаюсь объять необъятное,
Брызгами душу калеча:
Словно вода утекло безвозвратно
Время, которое лечит...

Я не ищу тебя больше – не стоит:
Больно – с пустого в порожнее...

Только ночами безжалостно ноет –
Что объяснить невозможно.

Только ночами как будто ломается
Что-то на сердце похуже...
Всё у меня без тебя получается –
Не получается тоже!

Наверно, собираются дожди,
И ветер на мгновение притих.
Как хорошо, что это был не ты...
Меня бы не хватило на двоих.

Меня бы не хватило в две реки,
Загадывая следующее утро.

А я жива, скорее, вопреки –
Рассчитывая каждую минуту:

Наперекор, напротив, невзначай.
Перебирая прошлые мечты,
Я поняла, что больше не скучаю...
Как хорошо... И это был не ты.

В окно стучится новая весна,
И забываются холодные черты...
Как хорошо, что вертится Земля,
И что теперь со мной уже не ты.

Бессмысленная, вычурная вежливость,
До тошноты – пустые разговоры...
Я никогда уже не буду прежней:
Мне не о чем с тобою даже спорить.

Я не люблю тебя, прости за откровение,
И мне с тобой совсем неинтересно –
Я не меняю целую Вселенную

На малосодержательные... «песни».
Я не веду душевные беседы
Для соблюдения каких-то правил –
Давай останемся хорошими соседями:
Я не люблю тебя – и это правильно.

Не стоит тратить на «поздно» или «рано»,
Как все нормальные, наверное, на свете,
Не перевязывай мои больные раны...
Мы – лишь хорошие соседи по планете.

Оставь меня, не появляйся снова,
Не собирай разбитое в осколки,
О нас двоих... я не запомнила ни слова –
Я просто НЕ ТЕБЯ люблю... и только.

Я собирала понемногу:
Из ничего, из пустоты...
Я строила к тебе дорогу,
Я строила к тебе мосты.

За каждым следующим утром,
Вступая в призрачные грезы,
Оберегала те минуты,
В которых мы считали звезды.

Но ограниченная временем,
Как будто скованная страхом,
Давно покинутая всеми,
Я добровольно шла на плаху.

Я научилась просыпаться
В том мире, где тебя не будет,
Играя словно, заблуждаться,
Разочаровываться в людях.

Я научилась, без мучений,
Без обязательной тревоги,
Ни от кого не ждать спасения
И никого не звать в дорогу.

Я научилась не раскрашивать
Не мною созданные души
И ничего уже не спрашивать,
И никого уже не слушать...

А ограниченное время
Сквозь пальцы в пустоту стекало...
Я научилась быть не с теми,
Не с теми по мосту бежала.

И, вроде, как-то получилось
Смиренье принимать за чудо...
Я только ЖИТЬ не научилась –
В том мире, где тебя не будет.

Не покидай меня, пожалуйста, сегодня,
 Когда все силы от бессилия уходят,
 Когда народная молва неблагоприятно,
 Из милости хотя бы, не обходит.

Не покидай меня, пожалуйста, сегодня,
 Когда одна стою у самого обрыва,
 Не отпускай меня в иллюзию свободы:
 Мне ветра легкого достаточно порыва.

Не покидай меня, пожалуйста, сегодня:
 Я столько боли в одиночестве стерпела...
 Когда душа моя, сама себя не помня,
 Почти покинула измученное тело.

Не покидай меня, пожалуйста, сегодня:
 Не оставляй меня настолько безоружной...
 Не приходи в мой мир, когда тебе угодно –
 Ты именно сегодня... ты мне нужен.

Я ждала тебя там,
 Где никто не умеет ждать,
 Где никто, никогда,
 Ни на что не надеется больше...
 Мне хотелось рассветы,
 Закаты и море отдать –
 Только чтобы и ты
 Где-нибудь ожидал меня тоже...
 Мне хотелось писать!
 Мне все время хотелось писать –
 А иначе бы точно
 Не выжить на этой планете!
 Я сегодня последнюю
 Каплю пыталась сдержатъ,
 Но она затопила слезами
 Прощальное лето...

Я ждала тебя сотни,
 А может быть, тысячи раз,
 Утешая себя
 Переливами горького кофе!
 Между нами огромное
 Море отчаянных фраз:
 Мы как будто друг другу
 Намеренно делали плохо.
 Я не знаю, что будет
 Со мною за краем зимы –
 Может быть, и до края
 Дойти мне уже не удастся...
 Несмотря ни на что,
 Между небом, порой, и людьми,
 Я ждала тебя там,
 Где другие устали сражаться!
 Не сказать, что я просто
 Сдалась, хоть и стала спокойнее,
 Выдыхая всю боль,
 Закрываю тяжелые веки:
 Я могу без тебя!
 Да и ты далеко не покойник...
 Отпускаю сейчас,
 Полноценного нечеловека!

Не важно, сколько времени прошло,
 Пускай еще вот столько же пройдет,
 Во славу света или же во зло –
 Она лишь за тобой одним уйдет!

Она лишь за тебя – всю эту осень,
 Все это небо, отразившееся в лужах...
 И на бесчисленный поток немых вопросов –
 Ты ей один, из всех живущих, нужен!

Ты ей один... другие, как туманы,
 Как утреннее покрывало на дорогах –

Коротковременный, пустой обман...
Нет, не о них она молилась Богу!

Она о них ни слова не напишет,
И перед сном не позовет по имени...
Не важно, слышишь ты... не слышишь,
Она и в слабости находит силы!

И кто ее посмеет упрекнуть,
Истерзанной души нечаянно коснуться:
Не страшно в одиночестве уснуть,
Страшнее в одиночестве проснуться.

Без тебя в моем мире снова зима
И, похоже, она будет вечной...
А ты зря поспешил... я ушла бы сама,
Одиночество кинув на плечи.

Я бы тихо шепнула прощальное слово,
Постояла немного у двери...
Это кажется только, что снова и снова
Я надежду шагами меряю,

Это кажется только, что гордости нет,
Словно я упиваюсь печалью...
Я бы молча уехала, выключив свет,
За туманами, синими далями...

Без тебя в моём мире простая игра:
Ни плохих, ни хороших, ни средних.
Вместо сердца пульсирует мегадыра,
Отбивая удары последние...

И тяжелое небо насмешливо ждет,
На снежинки зима распадается...
Ты же зря поспешил... я ушла наперед,
А стихи – это все, что останется.

Прости меня за эту пустоту,
Несостоятельность бессмысленной гордыни,
Мне быть не с тем, и ты возьмешь не ту –
Вполне удобные другие половины.

Прости меня за радость бытия,
Фальшивые улыбки скудной прозы...
Ни одного, ты слышишь, в мире дня
Не по тебе я не роняла слезы.

Прости, пожалуйста, за мой упрямый нрав,
За тысячи упущенных мгновений:
Ты, даже если миллионы раз не прав,
Моим единственным останешься волнением.

Я так и не сумела отпустить
Обиды от несбывшихся мечтаний.
Прости за то, что научилась жить,
Храня тебя подкожно, без сознания.

Прости меня за письма в никуда,
Бездурную смелость стихотворчества...
Прости меня за все, прости меня –
А я тебя прощу за одиночество.

И вертится уставшая планета,
И право голоса за следующим утром...
Вдали виднеется полоска света,
А значит, я проснусь... через минуту.

Я бы очень хотела вернуться в тот вечер
И не знать тебя вовсе...
Где-то там догорают последние свечи –
Я об этом подумаю после!

Я подумаю после тяжелой дороги,
Перемерив ночей миллионы...

Приползу на коленях, молить буду Бога –
Я, склонившись в глубоком поклоне.

Упаду в бесконечно красивое небо,
От земных задыхаясь печалей...
Мне не страшно исчезнуть – как будто и не было:
Я ведь тоже тебя забывала!

Забывала на час и на два, и на сутки,
Окружая себя эпизодами,
Даже имя стирала твое в промежутках –
Между морем и тихими водами...

Заменяла работой, стихами и чаем,
Притворялась счастливой до одури...
И такое, порой, наступало отчаяние –
Что теряла пароли и коды...

Я ломала себя в бесполезном потоке
Одинаково сложенных мыслей,
А потом по углам собирала осколки –
И без смысла, без смысла, без смысла...

Я бы очень хотела вернуться в тот вечер:
Ни единого выдоха – возле!
Где-то там догорают последние свечи...
Я об этом подумаю после...

Я, наверно, тебя никогда не любила –
Это кости как будто у сердца ломались...
Все, что было к тебе, я жестоко убила...
Посмотри, здесь уже ничего не осталось:

Ни крупички ничтожной, мельчайшей пылинки,
Ни единого символа стихосложения...
А из пазлов сложились плохие картинки,
И Светило мое прекратило движение.

Опустилась в безмолвную темень планета,
Потерялись в туманах хорошие люди...
Не вернется мое обожженное лето,
И за этой зимой откровений не будет!

Я обрезала все свои ниточки-вены,
Запретила биение тихого пульса...
Ну а то, что сейчас написала... наверно,
Называется нечеловеческой грустью...

А если я сегодня... в сон
Приду, не спрашивая, первая?
Осталось выдохнуть с ладонь...
Ну что, скажи, тебе я сделала!?

Луна уставшая молчит,
С тобою в сговоре, наверно,
Остывший чай слегка горчит...
А я приду сегодня первая!

Таится память по углам,
Трусливо прячется от света...
Я собираю тут и там
Осколки брошенного лета.

Я собираю... не спеша,
Как будто время бесконечно –
Оно умеет утешать –
Еще один знакомый вечер...

Еще одна попытка чая,
И что-то защемило слева,
Коснулось памяти нечаянно...
Ну что, скажи, тебе я сделала?..

Не думать о тебе сегодня не случилось,
Хотя и кажется, что мир стоит у грани...
Ах, если бы ты взял сейчас и позвонил,
Я столько бы, наверно, рассказала!..

Как тихо тлеет выгоревший свет,
Забившись, где-то под ребром, тоскует сердце.
Как до сих пор не понимаю лето,
В которое весне пришлось одеться...

Как научилась на ночь занимать
Ещё на несколько ударов пульса...
А утром нужно чем-то отдавать –
Как хочется, порою, не проснуться!

Асфальт, дрожащий под дождями, мокнет,
И всё никак не кончится дорога...
Ах, если бы могла касаться окон,
И заглянуть, не преступив порога!

Не разрыдаться перед зеркалом не вышло,
И тушь размазанная больше не спасает...
Ах, если бы ты мог меня услышать,
Я столько бы хотела рассказать!

Ттаккха йист ма хилира и Дадин ва Аьлбика:
– Вайн кьена дай-наной, цу кертийн йуххехь
Шаш хебаш ма лаьтта,
Марзойн цIераш ва кхобу вайн хьоме несарий,
Марзойн цIераш ва йохуш,
Шаш кхойкхуш ма лаьтта.
Ма доккха де ду-кха таханлера де
Дикачу кIенташна! –
Бохуш, лен ма йелира и Дадин Аьлбика.
Болийна буюькIа тIом делкьенга ва болуш,
Вистхилира, ма боху, Гуьржехара инарла:
– И кIентий леториг Дадин Аьлбика йу!
Хьажайай кхоссалаш, йохариг, йоккха топ! –
Олуш, тоьхна, ма йожийра и Дадин Аьлбика.
Болийна буюькIа тIом суйренга ва болуш,
Вовшахкийтира, ма боху,
И Делан мостагIий.
И Дадин йуьртахой сов кIезиг хиларна,
И Делан мостагIий сов дукха хиларна,
Дели ала хIума кIелхьара ца долуш,
Йохийна-йагийна дIайаьккхира, ма боху,
И Дадин ва йурт.

Нанас дена ма войла йахь йоцу ва кIант!
Вича, ма волийла кхаа дийне-буюьсане;
Цуьнан валар хилийла,
Хьерахь бол кьюьйсуш,
Бисинчу зударийн карах!

Ли́ра

Анет ТИМЕРБУЛАТОВА

Анет Тимербулатова (псевдоним) родилась в 1986 году, окончила ЧГУ, факультет иностранных языков, в 2003 году. Любит восточную поэзию: Хайям, Руми, Низами, а также русскую (в частности, Серебряного века). Судовольствием читает чеченских авторов: Р. Ахматову, М. Дикаева, А. Мамакаева и других. Публиковалась на Стихи.ру (ныне закрытый профиль) и в журнале «Вайнах».

Улыбнись про себя...

Сердце, сердце...
 Если б вы только
 Знали бы!..
 Сколько может
 Оно вместить!..
 Скольких бы
 Вы ему не отдали бы –
 Приютить, оживить
 И взрастить...
 Сердце – храм,
 Ты его наполняешь сам
 Дивным светом...
 Или же –
 Только тьмой...
 Как устроишь его –

Он будет
 Такой.
 Этот выбор священный
 Твой...

НЕПОХОЖИЕ ДРУЗЬЯ

Ты показал мне
 Мультик,
 В котором –
 словно мы...
 Волчонок – я,
 А чудик
 С ухом большим –
 Как ты...
 Он слышит звуки
 Неба,
 Манит его

Луна...
 Лишь бы
 Не отвлекала
 Земная суэта!

Волчонка же
 Заботит
 Живая жизнь
 Вокруг –
 Недоуменно
 Смотрит
 Ушастый его
 Друг.

Ты слышишь то, что далеко.
 Я слышу близкое, другое...
 Ты метишь в космос... высоко!
 А мне ж милей – земное...

И мир, что столько раз терял,
И вновь из пепла восставал...

Чего ты боишься, родное создание,
Зачем так тревожно молчишь?
Не враждебно к нам мироздание, –
Коли в сердце любовь ты таишь...

Столкновения наших миров
Были редки и как-то случайны –
Силой незримою тайных оков
Нас связало однажды нечаянно...

Он живет на другой стороне
Этого мира...
И я его вижу будто во сне.
Временами зовет: «Графиня!»

Через серые будни, где все –
Суета...
Ну а я притворюсь, что не
Слышу.
Улыбнусь про себя...

Он живет на другой стороне
Этого мира...
По которой бы я никогда,
Ни за что не ходила...

Там, где царствуют лесь
И порок,
Не ступает любовь
На порог.

Только в сердце есть
Тайное место –
Наших встреч и
Повесток.

Мама, я молю тебя не вслух:
Не бросай дни жизни
Так безжалостно,
Тот костер давно уже потух,
Прошлого нет – пойми ты,
Пожалуйста...

Каждый день смотрю в твои
Глаза –
И в минуты, думаешь когда
Будто занята,
Погружена в себя я –
С болью я смотрю
В твои глаза...

Ты не хочешь новое впускать,
Ты живешь лишь в памяти
Своей.
Мне так хочется тебя обнять
И кричать: «Проснись же,
Поскорей!»...

Наша жизнь уходит –
Каждый день!
Жить с тобой вдвоем
Не будем вечно...
Так давай, отринем эту тень –
Встретим наше утро
Безмятежно!

Но, увы,
Ты вновь готовишь
Завтрак –
Чтоб забыться в нем
И убежать...
Улыбаешься,
Столкнувшись
Взглядом –
Так тоску пытаешься
Скрывать...

Ася УМАРОВА

Наблюдая за свободным братом

Чем дальше отдалялся автобус от нашей фермы, тем больше я поражался брату. Откуда он мог знать о столь далеких местах? Неужели он один путешествовал, а может, с друзьями? Странно, но мой мир ограничивался нашей фермой. Правда. Я даже и не допускал в мыслях, что существовали другие города и села. Меня в этих привычных пределах все устраивало. Да и не хотелось знать. Я так настороженно и внимательно заглядывал ему в глаза и оглядывался по сторонам, пытаюсь, наверное, выразить возмущение. А он в ответ смеялся и невпопад что-то рассказывал.

Спустя тринадцать лет после ссылки нам разрешили вернуться из Казахстана на Родину. Мы всей семьей откладывали деньги. Но почему-то они медленно копились. Даже сейчас многие наши соседи уехали, а мы не можем. Моего брата зовут Артур. Ему пятнадцать лет. Он тоже откладывал деньги, но в тайне от нас: чтобы купить маленький мотоцикл, который увидел в одном магазине, куда мы сейчас и едем. Когда папа обнаружил его сбережения, то случился скандал.

– Как ты мог?! Тебе не стыдно?! Какой мотоцикл? Мы уезжаем отсюда, – кричал тогда папа на Артура.

– Но я хочу мотоцикл именно сейчас.

– Мы не можем тут оставаться больше.

Все накинулись на него и отобрали деньги. Я нашел брата, заплаканного, у конюшни. Думал: что-то случилось серьезное. А тут вся ссора из-за мотоцикла, который еще даже и не купили, а всего лишь собирались приобрести. Конечно, обидно, когда все объединены одной идеей и тут выясняется, что кому-то все равно. Я никогда не видел брата в слезах, может, только в детстве, во втором классе. Тогда Артур отказался идти в школу в рваных прошлогодних штанах, которые были ему малы. Папа накричал на него, и он выбежал с портфелем. Когда я вышел через полчаса, то нашел брата заплаканным у стога сена рядом с птицефабрикой. Летал птичий пух, и он хныкал. Я попросил его немедленно пойти в школу. А в школе дети обсмеяли его короткие рваные штаны. И он все пять уроков просидел за партой, боясь выйти на перемену.

– Он же сам собирал эти деньги. Отдай ему их. Ничего не случится. Если так хочет, то пусть купит этот мотоцикл, – сказал я папе.

И папа почему-то меня послушался и вернул деньги. Артур испугался, что их снова могут отобрать, и попросил поехать с ним. Он хотел купить мотоцикл именно сегодня.

И мы поехали на оранжевом автобусе. Я не помню, в какое именно село мы добирались. И название не запомнилось, и местность ничем не запомнилась. Все степи да степи – через грязное окно автобуса. Еще в салоне бляели три ягненка. Несколько синих бочек булькали сырами, стоило колесам проехаться по кочкам. Внутри поднималась пыль. Я много раз откашлялся. А мой брат просто улыбался. У меня сложилось такое ощущение, что если бы перевернулся наш автобус и случилась авария, то он бы пошел пешком за этим мотоциклом, оставив нас всех на месте катастрофы.

В магазине выяснилось, что тот самый мотоцикл, о котором грезил брат, продали. Были и другие модели, но они стоили намного дороже. Артур выбежал из магазина. Я попрощался с продавцом. Брат стоял у каштана и снова вытирал слезы. Я присел на скамейку. В моем пиджаке лежали деньги, которые я копил на фотоаппарат и аппаратуру для распечатывания фотографий. Это мое хобби. Такая была мечта. Да, и я так хотел сделать – утаить деньги от родных. Наверное, это бунтарство и революционерство у нас семейное. Правда, я еще не сообщил об этом никому. И не надо рассказывать, думаю. Хотел брату приятное сделать, а тут не понятно ничего. Не получается из меня защитник и волшебник. Зря только время потратили и с отцом теперь натянутое общение получится.

– Артур!

– Я не поеду домой, – только и сказал он в ответ.

Как же жалостно он плачет! Если я умру, наверное, не будет так плакать, подумалось мне.

– Я доплачу деньги...

– Я не...

– ...пошли за другим мотоциклом.

Он сразу умолк и подошел ко мне. Я достал носовой клетчатый платок из внутреннего кармана пиджака. Развязал его и стал считать купюры.

– Тебе же понравился другой мотоцикл? – уточнил я.

– Да, понравился. Только он дороже, – сказал он.

Мы снова зашли в магазин, и Артур накинулся на один из мотоциклов. Денег впритык хватило. Оставалось на обратные билеты и на квас. Продавец залил бензин. И не успел я попросить проверить мотор и скорость, как брат вскочил на сиденье и уехал. Нет, конечно, он сперва несколько раз покружился вокруг меня и продавца и понажимал на педаль газа. Мотоцикл тарахтел, выл и орал. И потом рванул в бескрайние степи. Продавец поздравил меня с покупкой и направился к магазину с лейкой и канистрой. Пахло бензином и выхлопными газами. Пыль еще не рассеялась. Я пытался увидеть его силуэт в клубе пыли, но понял, что это было совершенно бесполезное занятие. Пока брат ускользал, я удивлялся: оказывается, Артура нисколько не тяготила эта ссылка. Ведь он откладывал на транспорт, который мог бы сделать его счастливым именно здесь, в Казахстане. А мы собирали деньги на транспорт, который бы скорее нас отсюда увез, чтобы стать счастливыми на Родине. Мы скоро должны были покинуть эти места. Я, конечно, понимал, что мы не сможем с собой увезти мотоцикл в поезде. Придется его продать или подарить кому-то. Странно, но на ферме я никак не мог представить, кому же его подарить.

Просигналил недалеко автобус, заявляя тем самым о скором отбытии. Я будто бы пробудился ото сна. Я снял с себя пыльный пиджак и несколько раз потряс по ветру, чтобы как-то почистить. Сбил пыль еще и с фуражки. Странно, пыль была везде: и на обуви, и на брюках. Неужели Артур без меня уехал на мотоцикле домой и уже не вернется? Знает ли он обратную дорогу? Сможет ли он найти путь? А может, и вовсе хотел проверить мотоцикл на скорость и возвратиться обратно. Я не знал, как поступить, и долго колебался. Я был одновременно рад за него и в то же время не мог принять, что он не подумал обо мне. Я заказал два стакана кваса и выпил оба. Автобус просигналил еще раз, и я сел на то же самое сиденье, но теперь уже помимо людей в салоне стоял теленок и четыре ящика с кроликами.

БЕГОМ С ПАКЕТОМ НА ГОЛОВЕ

– Этот человек не сделал мне ничего – ни плохого, ни хорошего, но я его... не люблю.

После такого заключения вслух, хотя о нем никто и не просил, папа шурил глаза, скептически осматривал незнакомца на экране телевизора и энергично нажимал на кнопку пульта, переключая канал. Под папин бан попадали в хаотичном порядке все: и певцы, и политики, и правозащитники, и спортсмены... Это походило на безразличную к цели русскую рулетку. Только пули в ней никого не поражали. А еще папа часто вставлял в разговор слово «категорически», причем первую половину слова произносил по слогам. В разные периоды жизни им овладевало пристрастие к определенным словам. К примеру, речь могла идти о выборе места в огороде для посадки моркови: «Я ка-те-го-рически против! Выберем место рядом с кукурузой». Однажды в жаркой дискуссии с односельчанами, решая вопрос продажи пастбищных земель, после которой уже негде было бы пасти скот, он в сердцах бросил незнакомому покупателю: «Вот бы тебя ударить по лицу, так... слегка... тыльной стороной ладони...» По дороге домой, еле успевая обегать дождевые лужи, я не упустила возможности и поинтересовалась:

– Почему же все-таки именно так, а не иначе ударить?

– Потому что это было бы за честь: принять правильный удар, такое еще надо заслужить, – получила я ответ.

Однажды папа заменял проржавевшие водопроводные трубы и по этому случаю перерыл вдоль и поперек всю землю вокруг дома в селе Садовое, так что эти его каналы напоминали маленькие окопы. Я свалилась в один из них, но вовсе не из-за иллюзорной войны, а из-за привычки мечтательно рассматривать закаты, рассветы, звезды, солнце и луну, не замечая, что происходит под ногами. Папа демонстративно не обращал внимания на то, что я ушиблась. Он так увлекся процессом ремонта, что не заметил, как в спешке после завтрака натянул на голову мою желтую шапку с двумя бубенчиками. Я крикнула:

– Папа! Я упала!

А он стоял рядом и, не отрываясь от бумаги, с неподдельным любопытством изучал карту с трубами и планом дома.

– Подойди ко мне, я тебя подниму.

Я запнулась:

– Это как? Но если я к тебе подойду, то... получается, что я уже больше не буду лежать. И мне не потребуется твоя помощь?

– Логично. Получается, что так, – улыбнулся папа. Наверное, после этого случая я научилась думать.

Папа познакомился с мамой еще в школе. Она поразила его хитростью. Зимой папа увидел ее у сугроба, с аппетитом уплетающую мокрый снег, как будто это была ореховая халва.

– Ты что, дура? Заболеешь, – крикнул он, делая вид, что ему все равно, но на самом деле пораженный настолько, что не мог оторваться от этого зрелища и от его участницы.

– А я хочу заболеть, придурок. Буду лежать в больнице, и родители, тети и дяди будут навещать с мандаринами и печеньем. Ты посчитай, сколько пакетов получается. Представь, лежу в больнице и ем конфеты – нужно постараться хорошо заболеть.

С тех пор они не расставались.

С папой никогда не соскучишься. Например, он может зайти после работы домой и, снимая обувь, неожиданно крикнуть:

– Куда вы это дели?!

– Папа, что?

– Как что? Это...

И не может вспомнить название. Мы с мамой носимся за ним и ищем что-то, чего понять не можем, но спросить побаиваемся. Ищем это «что-то» среди фасолевых грядок, на чердаке, под сосной, в подвале и даже под колючими кустами роз. Читая газету, папа неожиданно вспоминает о наших поисках:

– Куда это все-таки подевалось?! Вы что, еще не нашли?!

И мы, хихикая, бегаем за «этим» по всем комнатам, словно бесцельный поезд, заглядываем под ковры или выходим из курятника в перьях.

Я с детства думала, что это такая игра у родителей, чтобы меня развеселить. Лишь однажды папа вспомнил, что искал, когда праздновали его тридцатипятилетие. Собрались в тот день только самые близкие. Развели два порошка «Юпи» в графинах с водой, мама спекла торт «День и ночь», а на ужин мы с огорода собрали картошку, болгарский перец и капусту и сделали голубцы. И когда подняли тост за именинника, то папа вдруг вспомнил, что искал. Это был ремень от его белой машины Nissan Sunny. А я искала среди серии томов «Анжелика и король», «Анжелика в Квебеке», «Бунтующая Анжелика», «Анжелика в мятеже», «Анжелика в Новом свете» и прочих «анжелик».

Папа работал бухгалтером в копильном цехе, хотя в детстве грезил о космосе. В садике он поднимался высоко на турник и смотрел на всех через круг из арматуры. Он громко считал: «Пять, четыре, три, два, один... Все! Мы в космосе!»

Иногда папа брал меня к себе на работу. Он просил постоять у двери кабинета, пока не при-

берется. Поспешно очищал рабочий стол от двух-трех бусинок оранжевой икры, собирал остатки сушеной рыбы в газету. Скомкав бумагу, выбрасывал ее в мусорное ведро. Брал в руки прозрачное стекло со стола и протирал мокрой салфеткой. Убедившись, что стекло высохло, клал на стол. Из-под стекла на папу смотрели с утра до вечера фотографии – со мной и мамой. Под стеклом разместились фотография его любимой рок-группы «Зама» с автографом и картинка, где лягушка душит цаплю, желающую ее проглотить. Под ней надпись: «Никогда не сдавайся». Папа выравнивал деревянные счеты, калькулятор, папки, печатную машинку и бумаги.

– Вот так... все должно быть в порядке. Порядок на столе – порядок в мыслях.

Это означало, что настала пора слову «ка-те-го-рически» исчезнуть ради слова «порядок». Папа выравнивал грядки в огороде, выставил на полке книги по цветовой гамме и даже выкопал розы из клумбы и посадил их заново, чтобы соблюсти линию ряда. Так во время войны он установил режим с банкой сгущенного молока. Ножиком он делал две дырки на крышке сгущенки и просил держать струйку над чаем не больше пяти секунд – для экономии. И мы с мамой должны были вести отсчет точно так же, как он когда-то в детстве на турнике, увлеченный космосом. Только тогда отсчет был обратный, а теперь – обычный: «Один, два, три, четыре, пять!» И после этих слов нужно было передавать баночку другому.

Больше всего на свете он любил эту машину Nissan Sunny.

– Я впервые так доволен покупкой автомобиля, – услышала я однажды ночью из спальни разговор папы с мамой.

Он ходил кругами вокруг своего белого автомобиля и никак не мог наглядеться. Несколько раньше папа так радовался новым итальянским сапогам. Под скрип деревянных полов он шагал в них по комнатам до вечера, разглядывая отражение в каждом зеркале в доме, смотрел на себя в профиль и анфас... Он щелкал пальцами, передавая тем праздничное настроение, напевал песню «Фа-фа-фа-да, фа-фа-фа-да...» этой своей группы «Зама». Именно в его Nissan Sunny мы спасались от войны зимой, и он продолжал любить эту машину до тех пор, пока она однажды ночью на юге Чечни не застряла в сугробе. Тогда помимо снега нас окружил густой туман. Мы пытались сдвинуть машину с места, но все было тщетно, и мы сдались. Пришлось ее оставить и на ощупь идти, проваливаясь в глубокий снег, держась друг за другом, как вагоны поезда, до тех пор, пока не увидели свет керосиновой лампы в каком-то окне. Незнакомые люди приютили нас. А рано утром, вернувшись к машине, мы поняли, что нас ограбили. Заднее стекло машины разбито, сиденья разорваны, словно кто-то что-то искал. Украли теплую одежду, шампуни, мыло, порошок, продукты и даже мамин миксер. И вдруг папа из супермена, которым я его считала, превратился в потерянного и понурого старичка с растерянными глазами, совсем как дядя Юсуп. Месяц назад его не стало. Папа не разрешал мне заходить в комнату дяди, когда мы его навещали. Голова дяди опустилась на грудь, мощные плечи поникли, он похудел и дышал тяжело...

Папа психанул:

– Тьфу, елки...

Толком мы как-то и не успели «побежденствовать». Папа развернул машину, и мы вернулись

домой. Через разбитое стекло залетал снег, но мы не чувствовали ни холода, ни снега. Папа включал дворники, не понимая, что снег не только за стеклом, но и внутри салона. У нас атрофировались все рефлексy. Папа столкнул машину в овраг, да... Так как разочаровался в людях. Кажется, всю серьезность военного времени и происходящего он понял только тогда, когда увидел варварское «прикосновение» последнего к его Nissan Sunny.

А еще он не давал нам нормально съесть мед, который однажды привезла подруга мамы Наташа – бывшая спортсменка. Из-за войны ей пришлось забыть о спортивной карьере. В нашем доме Наташа часто показывала упражнение на выносливость и гибкость. Сидя на стуле и держась руками только за спинку, нужно было как бы «обогнуть» туловищем стул. Несмотря на лишний вес, Наташа всегда справлялась с этим упражнением. А папа раза два ломал стулья, после чего пришлось оставить эти упражнения, потому что сидеть уже было не на чем.

Несмотря на то, что были слышны далекие разрывы снарядов, мы с мамой накинулись на мед.

– Ты неправильно ешь мед, – сказал папа, внимательно разглядывая цвет меда в лучах солнца.

– Что?

– Нужно есть мед красиво. Вот так, – и ложечкой аккуратно взял небольшую порцию меда и съел, блаженно улыбнувшись.

Это был период «красиво», как прежде были периоды «порядок» или «ка-те-го-рически». «Надо выигрывать красиво», – повторял он, болея за российских спортсменов на Олимпийских играх. Для него никогда не была важна сама победа, зато интересовало, насколько красиво спортсмен выигрывает. Да и в жизни все должны были побеждать или есть красиво.

Играя в дурака, папа никогда не отбивал шестерки, если у него их не было, а принимал их, чтобы в конце проигравшему оппоненту торжественно класть их на плечи как «погоны» и заявлять: «О-о-о! Генералиссимус?!» А в шашки поначалу играл в поддавки и лишь после того, как соперник начинал испытывать эйфорию от близкой победы, давал настоящий бой.

– Всегда надо побеждать красиво! – словно мантру, повторял папа, прогуливаясь по комнатам. Для него было очень важно, чтобы люди полагали его глупым, пока в нем не вызревал план победы.

Он дружил со всеми с нашей улицы, кроме бабушки Эсилы. Как раз тогда наступил у него период «оптимистично», и нам с мамой приходилось врать родственникам, что у нас много продуктов и мы не голодаем. Но Эсила никак не проходила по новоявленному «дресс-коду» папы, поскольку всегда жаловалась на нехватку еды, воды, одежды, на бессонницу и страхи. Все ее истории в период войны начинались: «А потом надели на голову мешок и как дубинками сверху...» И не упускала ни единой возможности, чтобы не пересказать эту услышанную где-то историю.

– Тьфу, елки... – топал ногами папа и закрывал синие ворота во дворе на ключ.

Но стоило высунуть ему голову на улицу, как появлялась опять эта Эсила: «На голову мешок и дубинками, дубинками сверху». Ему снились из-за нее кошмары. Но в какой-то момент эта бабушка помогла ему. Спустя много лет он снял на камеру фильм «Бегом с пакетом на голо-

ве»... Просто для себя. В первой сцене девочка с развевающимся зеленым шлейфом бегала по зеленому лугу за птицами и кричала: «Птицы, вы куда?» Как будто она подражала птицам и пыталась взлететь. Отрез зеленой ткани, лежавший десятилетиями в сундуке, одолжила бабушка Эсила. От него разило нафталином. Потом по сценарию девочка увидела вдалеке марширующих мужчин, а на головах у них черные пакеты. Она окликнула их: «Люди, вы куда?» И побежала за ними вслед, разглядывая их, но они ничего не замечали, чеканно маршировали и уходили далеко-далеко. А девочка возвратилась к себе домой. Она поняла, что ее собственный невидимый «пакет», то есть ее внутренний мир, гораздо интереснее того, что ей довелось только что увидеть.

Во время съемок мимо проходил бывший одноклассник папы с торчащими из ушей аппаратами для усиления звука.

– Чем вы это тут занимаетесь? Съемки? Делать вам нечего...

И, продолжая что-то говорить себе под нос, он двинулся вслед за барашками к пастбищу.

Тогда папа посмотрел на меня и сказал:

– Этот человек не сделал мне ничего ни плохого, ни хорошего, но я его...

– ...не люблю, – завершила я его фразу.

Мы засмеялись и побежали домой.

Кунацкая Наны

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА

г. Кострома

Екатерина Евгеньевна Каргопольцева родилась 23 января 1982 года в селе Верхне-Спасское Пыщугского района Костромской области. Окончила филологический факультет Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. В 2009 году участвовала в создании литературного объединения «Голос». Живёт и работает в Костроме. Член Союза писателей России. Публиковалась в газетах «Молодёжная линия» (Кострома, 2002 – 2007), «Литературной газете», (Москва, 2012, 2013), в международной газете «Интеллигент», (Москва, 2013). А также в журналах: «Кострома литературная» (Кострома, 2009), «Московский Парнас» (Москва, 2003, 2005), «Невский альманах» (Санкт-Петербург, 2011), «Гостиный двор» (Оренбург, 2014), «Подъём» (Воронеж, 2013), «Серебряный дождь» (Коломна, 2015), «Дальний Восток» (Хабаровск, 2013), «Наше поколение» (Кишинёв, Молдова, 2014), «Венский литератор» (Вена, Австрия, 2013), журнал «Зарубежные задворки» (Германия, 2014) и др.

СЛАВЯНСК

От безверия до Веры

В испытаньях путь не близок...
Божья птица,

голубь сизый!

Здесь огонь и запах серы.

Как стаи вырванных страниц
Из книг весны и лета.Ещё тепло... Но с каждым днём
Тоскливей ожиданье
Поры, охваченной огнём
Холодного дыханья...Сорваться в крик
безудержный готово
Во всеуслышанье –
чернилами на белом –
Моё ещё
несказанное слово.

На душе скорбящей сыро.

Расскажи мне, ввысь взлетая,
Где отбившийся от стаи
Белый голубь – голубь Мира?

В осеннем небе стаи птиц
Под жёлтой сенью света,***
Скорбь гнетущую не пряча,
Всем громам бессчётным вторя,
Безутешным долгим плачем
Над землёй летело Горе.

Дойдя в молчании
до края,
до предела!Гудящий вихрь огня и дыма...
Своей умелою рукою
Глухая смерть неотвратимо
Толкает в пропасть всё живое.И ей не слышен эхом всеу
Ни материнский плач,
ни вдовий –
Она идёт, как зверь, почуяв
Холодный страх и запах крови.

Брат мой кровный, православный,
 что с тобой?
 Между нами словно пыхнул смертный бой...

Речь твоя от неприязни холодна –
 В тёмном омуте обид не видно дна.

Нет ответа на слова душевных треб,
 Ты ко мне, как будто глух и точно слеп.

Только я гневливый взгляд и злой прищур,
 Помолясь, тебе, конечно же, прощу.

ДОЧЕРИ

Кровь
 от крови,
 плоть
 от плоти...
 Мы, как колос
 и зерно,
 Как монета
 на излёте –
 Аверс, реверс –
 всё одно.
 Знай!
 Любовь моя
 сильнее...
 На душе –
 нещадный страх,
 Потому тебя
 не смею
 Отпустить
 и в двух шагах...

Видно, время пришло моё
 И таких же, как я, – судьбы
 Чашу полную, до краёв,
 Испытаний принять, забыв,

О случайности праздных дел,
 О молчании без молитв...
 Правый Господи, я там, где
 Не боятся ни слов, ни битв!

А сердце выскочить готово!
 Но трудно вслух произнести
 Одно лишь слово, просто слово –
 Обыкновенное «прости».

ЛУНА

Она вошла в уснувший дом
 Под крик усталой птицы,
 Скользя бесформенным пятном
 По тёмным половицам;
 Заполнив разом пустоту,
 Смешала блики, тени,
 Часы, минуты, суету
 Дробящихся мгновений...
 Коснулась рук моих лучом
 И в памяти постылой
 Накрыла белым полотном
 Всё то,
 что было...

ДАЧНОЕ

Свой порядок наводя,
 Третий день на даче
 Постоянного дождя
 Реки, не иначе!

Облаков молочный цвет,
 Как позавчерашний, –
 И поры удачней нет
 Для хлопот домашних...

Но в уютной суете
 Беготни и смеха

Всё дела в руках не те –
Шутки да потеха.

И, забывшись, мы опять
Будем вечер длинный
В разговорах коротать
У окна в каминной...

А. Ахматовой

Не жалею меня! Не надо...
Боль моя сиюминутна.
И от нашего разлада
На душе не будет смутно.

Я давно про это знаю.
И поверь мне, мальчик странный,
Что любовь моя без края
Для тебя была обманной.

Над толпою изредка взлетая,
В тесноте гудящего Арбата
Голубей разбросанные стаи,
Словно войско ангелов крылатых.

Не хотела! Только вот попалась –
Сердце, как ни лги, совсем не камень...
Я иду смешная, озираясь,
Семена неровными шагами.

Всё слилось в едином долгом звуке,
Не видать сему конца и края:
Здесь поют о боли и разлуке,
Там же песня слышится другая.

Ах, Арбат! В растерянности взмокнув,
Битый час искала я не это...
Я пришла взглянуть хоть раз на окна
При царе опального поэта.

Рисуешь с нежностью и ласкою
В ночи,
при свете дня
Давно любимой дивной сказкою
Далёкую меня.

Но ты узнаешь при сближении,
Развевая колдовство,
Что я – твоё воображение,
Не более того...

Ненарушаемый покой...
В условной замкнутости круга
Парящий голубь над землёй
Легко и плавно чертит угол.

На тусклом небе – пелена,
И вскоре день следы побега,
Как вор, безмолвно в чарах сна
Засыплет ровным слоем снега.

И оттого, что вечер тих,
Нам в свете лампы ближе к ночи
Вдруг станет ясно: на двоих
Часы, действительно, короче...

Говорил, умолял, пророчил...
Но душа у меня была
Обгоревшей – темнее ночи,
Цвета воронова крыла.

ГУРЗУФ

С. Ю. Сахаровой

Закат опять безоблачно лилов.
И тёплый бриз, подкрадываясь, вскоре
Наполнит кров дыханьем сквозняков
И в нём оставит волглый воздух моря.

А через час, накинув длинный плат,
Неслышно ночь придёт под окна с миром...
И станет вдруг янтарный виноград
Неотличим от спелого инжира.

К седьмому вдруг похолодало.
И снег рождественский, кружась,
Белил и старый люд и малый,
Дома и смёрзшую грязь.

Он шёл, безмолвствуя, повсюду
И был в сознании людском
Ничем иным, а Божьим чудом
В своём явлении простом.

Томный вечер, сонный вечер...
Белоликая луна
В синих окнах ближе, легче
И безоблачно ясна –
На полу и стенах блики.
Шумно к лесу под откос
Ветер шорохи и крики
Враз играючи унёс.
И аукай-не аукай –
Тишина, как пустота...
Смолкли звуки-перестуки –
Ветряная маета.

На твоей земле мой застенчив след.
Вот он есть пока... Ан гляди – и нет:
То ли ветер стёр, уходя в покой,
То ли кто-то шёл позади другой...
Пред тобою быть – век в тени стоять!
Но пришла к тебе... И приду опять.
(Из цикла «В Михайловском»)

Сегодня утром птичья стая
Не вьётся шумно у окна.
И тишь стоит кругом такая,
Что мнится всё виденьем сна.
И груз тоски в молчанье нашем
Не легче каменной плиты...
О, как ты страшен!
Как ты страшен
Покой грядущей пустоты.

НА ПЛОЩАДИ

С томной горячностью южного пыла
То ли цыганка, то ли креолка
В танце на площади в вихрь закружила
Лёгкие складки красного шёлка.

Там, где стояли толпою зеваки,
Тонкие руки неистово-жгуче
Вверх поднимали не алые маки –
Жаркие сполохи ткани летучей.

В дикой подвижности гибкого стана,
Кругом порхая под звуки напева,
Девочка-пламя наигранно пьяно
Резко бросалась то вправо, то влево.

Птица, горящая болью случайной
В крохотном сердце, лишённом покоя...
Чудо! Живое. Крылатое... Тайна,
Вмиг уводящая всё за собою.

Гнулись открытые смуглые плечи...
С каждым наклоном, внезапным порывом
Длинные волосы облака легче
Струйно метались, как дивное диво.

Кунацкая Наны

Анастасия КУЗЬМИЧЕВА

Минск, Беларусь

Анастасия Сергеевна Кузьмичева родилась 16 мая 1974 года в Минске в семье с давними художественными традициями: среди ее предков художники, архитекторы, оперная певица... Во втором классе впервые написала сочинение в стихах. В 18 лет пришла в литературное объединение «Светотень» при газете «Знамя юности», позднее стала участником литобъединения «Панядзелак». Работала корреспондентом в газете «Знамя юности» и пресс-секретарем в ТМ «Студия Куб». Публиковалась в газетах «Вечерняя Пермь», «Знамя юности», «Сям'я», «Вестник культуры», «Минский курьер»; журналах «Неман», «Дикая орхидея», «Немига литературная», «Слово и культура», «Вайнах». Автор книг «Быть может меня при-

ютят...» (2005), «Тишина» (2015, Евразийская международная премия), «Киты Беларуси» (2017, Лондон, на английском и русском языках), «По ту сторону» (2020, Лондон, на английском и русском языках), «Невозможное возможно» (2022). Член Союза писателей Беларуси (2009).

Притча о спящем драконе

1 часть

Это была очень странная и высокая гора. Ей всегда хотелось дойти до самой вершины. Тем более, что там есть два озера, которые люди называют волшебными и никогда в них не купаются. Смеются, что Солнце в этих озерах не отражается, а плавает в них. Даже ночью. И никто никогда не вспоминал о Луне... Люди по-своему боялись этой горы. Боялись и любили. Да и родители тогда, скрепя тревогу в сердце отпустили бы её только с другом в поход на эту интересную гору. Тем более гора напоминала дракона. А из-за того, что прямо над обрывом была большая закрытая пещера, люди называли гору «Зубы дракона». За миллионы лет внутрь никто так и не решился зайти. А ей очень хотелось попробовать. Да и друг, хоть со вздохом, но поддерживал её. Еще совсем немного и их вдвоём отпустят на такую трудную и странную прогулку. Она уже давно собрала свой походный рюкзак и с нетерпением ждала грустных маминых слов: «Ладно, идите...» Сегодня наступил этот день.

Ветер был пронизывающий, но, что самое интересное, не холодный. Она смотрела на качающиеся и поскрипывающие деревья и с легкостью шла между ними вверх и почти не чувствовала за плечами тяжелого рюкзака. Уже почти видна та самая пещера, в которой ей так хотелось побывать. Была видна её мечта. Друг, идущий чуть позади, ласково поглядывал на её азарт и развевающиеся пряди волос на ветру. Улыбался и незаметно собирал ветки для костра. Ох,

она даже не замечает, что скоро наступит новая ночь... А утром, когда они допивали чай, она только и говорила о пещере и вершине горы... Пещера будто лежала на земле за несколько метров от обрыва. Войти и впрямь нельзя, но она верит, что только у них всё-всё обязательно получится. Первая часть пещеры состояла из камней необъяснимо ровной, прямоугольной формы. Камни были очень большие и действительно напоминали зубы. Нет не просто зубы, а целую челюсть... Вдруг в воздухе раздался громкий звук, похожий на тот, что случается при зевании. Чёрт! Куда же она побежала. Вдруг поднялся очень сильный, и почти горячий ветер. Чёрт! Или кажется, или камни поднимаются вверх...

– Смотри!!! Они открываются! Побежали!

2 часть

Очнулись они уже вечером и не сразу поняли, что находятся внутри пещеры. Она ходила вокруг камней и гладила их рукой.

— А ты и вправду дракон! – сказала она, глядя на огромный коридор, напоминающий горло.

– Да я дракон! – раздался негромкий голос из этого коридора. Она испуганно посмотрела на друга.

– Ты это слышал? – а друг сидел и молча кивал головой.

– Ну ты и злобная тварь. Мы шли к тебе с добротой, с дружбой, а ты получается нас проглотил? Фу! Монстр. – она гордо скрестила руки на груди и отвернулась от камней.

– Прости! Я не хотел. Просто я очень-очень большой и мне было велено быть горой. Вот и лежу на этом месте я уже давно. А раз в сто лет, чтобы никому не навредить, мне разрешено зевнуть. Просто я не знал, что вы рядом.

– А это на самом деле твои зубы? – вновь поглаживая камни, спросила она. Ей уже было даже интересней и веселее от того, что они с другом внутри дракона.

– Да. И я вас не проглотил. Вы просто у меня во рту.

– А как ты с нами разговариваешь? И как слышишь меня?

– Я умею говорить мыслями с тем, кто ко мне обратится и слышать всем своим телом. Мне даже веселее будет вместе с вами до следующего зевка!

– Ты что! Мы столько не живём... Лучше выплюни нас на волю.

– Я не могу делать так много движений. И именно, что б не навредить людям и всем остальным.

– А можно попробовать пробить твои зубы?

– А это больно?

– Не знаю. Но нам очень нужно выбраться и вернуться. Можно мы попробуем?

– Ох. Ладно пробуйте пробивайте... Я потерплю, если что. Хоть какие-то события и у меня в жизни. Просто уже много столетий никто со мной не говорил. Вы первые.

– А ты нас видишь?

– Я чувствую, где вы. Ну а если вы придете к моим глазам, то конечно увижу. Мне уже самому жутко хочется вас увидеть.

– А где твои глаза? Может, это те самые два озера, в которых не отражается Солнце?

– Ну да. Когда выйдете, придете к глазам?

– Подожди, не мешай некоторое время! – вмешался друг. – Мы уже все инструменты достали и нам нужно немного поработать. Ты прости! Не до разговоров сейчас. Но мы еще не раз с тобой поболтаем!

– Понял. Молчу, молчу. Когда будете отдыхать – зовите... Вы мне нравитесь.

Она, как любая девушка, всегда быстро и часто уставала. Но когда всё вместе, то легче. Другья – это всегда прекрасно! И они почти не заметили тех месяцев, когда долбили камень-зуб. А дракон оказался большим милашкой и в минуты перерывов много интересного рассказал и о себе, и о том, каково быть горой. Оказывается, что таких драконов, которые просто лежат на Земле-матушке, совсем не мало. Кто-то крепко спит, а он вот в такой полудреме мучается больше тысячи лет. Ему просто всё любопытно. И когда люди приходили к глазам, он радостно старался их рассмотреть. И это зрачок его вертелся! Но люди пугались и уходили. А он надеялся и ждал других целыми столетиями. Они с другом обязательно придут к нему еще. А еще дракон рассказал, как приятно согревает солнце весной и летом его крылья. Они с другом просто обомлели, когда поняли, что их любимый лес растет на крыльях дракона. Просто ни шевелить лапами, ни двигать крыльями, хвостом или головой им нельзя. Чтобы никому не навредить. И всё, что разрешено – раз в сто лет зевнуть. Вот такая сложная жизнь. И если бы не они с другом, дракоша после зевка снова бы уснул надолго. А так...

Камень был очень большей и крепкий. Дракон говорил, что ему не больно, но она жалела его и уже любила его. Да и друг к дракону привязался. Но сегодня они впервые услышали пение птиц. Прикольный туннель получился. Ха! Его чуть-чуть доработать и для них с другом получится целая квартира для личного проживания. Небольшая, но красивая. И расположенная в зубе дракона. Здорово! Значит скоро можно будет уже и родителей обрадовать...

3 часть

Ах, как все обнимались и радовались, когда они с другом пришли домой. Но при этом никто не верил (да и практически не слушал) в их историю о зубах дракона. А пойти и посмотреть на прекрасный камень-зуб всем было лениво и страшновато. Долго ведь и трудно. Шумели и многие ругались: мол какая она болтуха и фантазёрка.

Нахлынувшие будни быстро забинтовали яркую ссадину восторга, страха и азарта, полученных в пещере. Но иногда бинты не могут всё исправить. Она очень грустила. И с каждым днём всё больше и больше. Её мучило то самое обещание, которое она дала дракону. Да и чувствовать себя злостной обманщицей становилось невыносимо. Но родителей она тоже очень любила и жалела. А они после их «счастливого» возвращения вообще ходили буквально по

пятам. Особенно дома. Друг тоже мучился. Ох, как это тяжело! Словами не передать. Да и время летело быстро и болезненно. И когда она уже не смогла терпеть в своей крови яд вруна, она просто поставила родителей перед фактом своего ухода и проживания в зубе... И ушла одна...

Без друга ей было скучно и намного труднее. М-да... Всё приходилось делать самой. Ох! Вот и пещера, и тот самый зуд с проходом. Нет! Нужно быстрее к глазам. Третий день после пещеры прошёл трудно, но почти незаметно. Она взобралась на гору как раз к закату. Кажется, что просто вытянув руку, она сможет потрогать облака, висевшие в небе. Вон уже и озёра видно. Какие красивые...

– Эй дракоша, откликнись! Посмотри на меня. Я уже рядом с твоими глазами!– Она крикнула в облака, чувствуя, как светлее становится на душе.

– Знаешь, а я тебя такой и представлял. Ты красивая. – радостно ответил знакомый голос из ниоткуда. – Посиди со мной немного, дай мне насмотреться.

– А можно я устрою себе дом в твоём зубе, который мы пробили? Это не будет больно.

– Да мне и тогда не было больно. А разве тебе там хватит места для жизни?

– Ха! Для меня в твоём зубе получится хорошая уютная квартирка. Главное друга попросить помочь с мебелью.

– А что такое мебель? И где твой друг?

– Я здесь, Дракоша! Привет! – друг бежал к озеру буквально по следам любимой девушки. И все сразу поняли, что это его решение, а не просьба родителей. Он тоже мечтал о прекрасном проживании в камне-зубе. Вот и закат всё разрешил. Быстро. Оранжево – облачное небо и два невероятно радостных синих озера. Почему людям не пришло в голову, что это глаза?

– Какой ты интересный! Ты мне казался другим, серьёзным. А в зубе живите! Мне будет веселее с вами. Мы ведь будем иногда болтать?!

Они стояли у озера, улыбались воде и махали руками. Посылали воздушные поцелуи. Всё наполнялось невидимой радостью. Было видно, что это не прощание, а встреча с мечтой. У всех.

– А какой у вас получится адрес? Если спросят, где ты живешь?

– Я? Я живу в зубе Дракона! – оглянувшись на закат, сказала девушка по фамилии Пломба...

Лири

Роза МЕЖИЕВА

КАВКАЗ

Паччахъан деза таж санна,
Наггахъчу тIулгийн гар ду.
Хъо, Кавказ, Iаламан таж синан
Лазам а, безам а бу.

Наггахъчу къабмнийн дозалла,
Йусталуш йоцу хазалла!

Туьйранен нохчийн мохк,
Хазбой

Цкъа хъехийн кIайн зазано,
Турпалхойн тур санна, базбой,
Кавказо цуьнан сий до.

Ткъа ломан лан баххъел дехъа
Чопанехъ, хIорда йисттехъ
Бал, розийн бошмашкахъ йеха
Колхида шерийн ховхехъ.

Туьйранийн беа мохк сан
Ду иллийн илли сан сина.
Хиънехъ а бохамийн чам.
Бевза хъо Йалсмане санна.

ДIо – Казбек, дIо – Эльбрус дегIехъ.
Массанхъа йукъа хъун йу.
Воккха стаг воьлхур ву кертахъ –
Чергсичун изехъ хир ву.

Кавказ, хъо таж Iаламан!
Лазам а, цIий а ду сан.
ХIун хилла-те къабмнех хъан?
ХIун хила дозаллах хъан?

Таж тIера тIулгаш а ийги.
Убыхан – тIаьххъара са.
ТIаьххъара патармаш ийци
Дийначу нохчочо схъа.

Дахаран, маршонан дубхъа
Лаьттарчу йалсаманехъ
Лаьтти вайн Кавказан дубхъа
Иза бакъ боцчу тIамехъ!

Сама со ма йаккха, нана,
Кескаш хуьлуш,
И стигла лелхахъ а.
Миллионаш
Ираниш,
Ша болат санна.

Ма йаккха сама дахлахъ а
И гIан –
Сагатдарх ца кхиънарг кхета –
Вайх, мухха делахъ а,
Массарах къахета.

Со – кинохъ.
Бакъо йу сан
Кхузахъ сайн садаIа ховха –
Иза йу хаарехъ хъан
Голливудан жовхIар.

Собар, со ца гIаттош де,
Цигахъ баккъал а.

Тадмех сиз дарца
Цхъа дош «чаккхе»
ДІайаздо
Дашца.

Суна го гІан:
Го стигла –
И кхехка йели
Сан корах
Мох схьалети:
Ангали дека дели.

Іаьржачу кьигийн жатташ
Хьийзаш сан
ЦІенан тІехула йу.
Мохь бетта:
«Сама йала,
ДІаделла бІаьргаш!
Иза тІом бу!»
– Паттахъа! Сихха!
Йоссахъа вайн ларми чу.
– ХІун? Мачаш мичахъ йу?
– ДІогахъ! Аьррухъа!
– ШайтІано дІаэцарш,
Мичахъ йу йуха?..

«ХІун гІовгІа?»
– Со – хІинцца!
Ва, хІинцца со!
Нийса «Динамо»
Майданахъ санна...
Ва, Дела.
Ва Дела!
Иза гІан дац?
– Ахъ... йий-кха со,
Нана!

ДЕРА СТАГ

Дера хъажар,
Гулч – йеза,
Дера хъажар,
Стаг – веза
Муьлхачу нанас хъан техкийна ага?
Хъанделла ло
Ал-цІечу цІийн чопанех.
ЦІийделчу мехаша
Йо Іуьйре къага,
Хъан дешнаш дуьззина
Ду пуьташехъ:
«Машаран лйуьлле
Вай боккхуьйтур го!»
Ткъа айхъа йукъ-кара
Летора цІерш.
ДогІанехъ хьобжура
Корашка хьо,
Маршо луш эткашна, неІарш кегъеш,
Кхиберш шаьш шайн цІийлахъ башийча, дІо
Делашца нисвора ша шен дагахъ...
Дера стаг,
Дерачу куьйгаца цо
Баржийра «дарбане»кхерам кхузахъ.
Мехкашка, цкъа бертахъ хиллачу шеца.
ЙУха а герз карахъ иза схьакхечи.

Цу жьожгаІате «ЦІан
Йиначу къаггалц»,
Вай, догІанаш тоьхна,
Гулди чу –
Хедош пхенаш
ДаьІхкаш кегъеш Іаббалц,
Вайн дедайн кьинош доькхуш ду.

Вист ца хиларг
 Лар ца вели тахна
 Ткъа мохъ хъеккхарг –
 Даиманна вай.
 Вай сурташ ду
 Цхъа аларна доьхна –
 Сий а, къа а санна,
 Стеган къинош дай.

Ца хиларх а
 Вайн дай-нанойн хъере
 Дегнаш, хезаш
 Узарш мехкарийн-
 Цкъа-м схъахеза
 Лекхчу момсарш тІера:
 «СагІа даккха схъада сихде жий!»

Шу тешалаш
 Даима базбелаш,
 Ламаз делаш дукха, даггара.
 Амма... аш ма леха
 Цкъа а Дела
 Ангалин бІаьргаш чохъ
 МозгІаран.

ТЕЗЕТ

ЙУ кхоалгІа буйса
 Стиглахъ кхозу буйрса,
 Сингаттаме хъежар
 Вотанаша санна,
 БугІу бохъ цхъа тайна
 ЙУьртан кІенташа.

Чоьш гІиттадо дегІан
 Ламазаш-маьхьарша церан.

Ткъа билхина бевлла
 Зударий, дІа
 Тийна, цаьрга хьобжуш Іа.

Иштта кІентий
 Вуно кІеззиг
 Бисна ган
 ХІорш тІаьххьарниш
 Хила мега тІехъ, –
 Эли шичас сан
 Дезткъей ткъесхалгІчу
 Шеран августехъ.

Цул тІаьхъа хІун хилла
 Массарна а хаьа –
 Иза хилла даьлла.
 Ткъа иза кхо буйса
 Еха эсехъ сан а,
 Оцу тІеман
 Хьалхара дош санна.

ДОГІАНАН ТІАДАМАШ

Синхьийзам дуьхьлара матери,
 Іуьрг,
 Ца соцуш, меллаша –
 Инзаре вон
 Кхетамах йаккхалац
 Чу узуш долу
 Хьалхарниг, шолгІаниг «со».

ДІакховдийра куьг
 Есалли чу,
 Мохехъ хьовха техкачу
 Дешнийн сеаларх
 Ма-хуьллу сайн лазам
 Буцу ас...

Амма синтем
Суна карабац.

Хинца бисна бац
Тулг хи йистехь...
Йилбазмахо айина
Далла герга
Хъала гловтгу гаш.
Ткъа стиглара оьгуш,
Сан йуьхьтехь
Лар йуьтуш ду доган
Хин гадмаш.

КАССАНДРИН ТИЙЖАМ

Хъуна, Илион, бала!
Дешиха йукъелла гала.
ГайгIа суна гар хъан узар,
Дерриг хууш – со ца хазар.

Кхоьल्लीна ду гар сан йоI-баьргийн,
Акхачу кхерамо шорбина уьш –
Аьшнаш йиначу йезчу Троин
ЙУ-те хьо йаккхий церш ца гуш?

Хъайниш бацара-те, Борз-
Аполлон, ас
Когаш, мара кыйлинарш цкъа?
Тетавинарг ша Афинас
Мехкаршца хьо вацара ткъа?

Троин, Приаман кIенташна
Бала! Кхетар дац шу:
ОьгIазе ахейин тараш ду,
Деланаш ма-хуьллу сакъоьруш бу.

Аьхна йу беллачийн хьожанаш,
Самукъа докху Приаман бIон цийно.
Сох неIалт хилла далале аш
Иза мел деза-те Iено?

Йоьхна хьийза йоI хуу хиндерг,
Гена арара терсар
Схъахезаш,
Хезаш санна,
Дино шен берг
Троин йаларна тIехь йетташ.

МАРСАН ХИЛЛАРГ

Иза ал-цIен чан а
Чот йоцучу шерийн
Шира бакъдерг санна
Кхидолчу латтанийн
Маса мур бIеззар
Седарчашка дина,
Дара хаттар санна,
Тамашена хъажар?

Лийхира стигалцкахь
Цо кьоначу шершкахь
Хазчу хаьме санна,
Жоп, ша сатийсина,
Шен дегйовхо санна,
Цо цхъа шек ирсана
Седа сийна-сийна.

Иди бIешерш сиха
Тевне йилбазмохехь,
Кхин тIом тIамал тIаьхъа,
Чим бисина цIерех.

Уьдучу беттасийн,
Гамаран оьланийн
Лар – цхьа гийла серло
Бен лаьтта тӀехь ца го.

Ткьа цо бен стиглашкахь,
Ца лийхи жоп санна,
Хаза хаам сина,
Дуккха а шерашкахь,
Шен дегйовхо санна,
Цхьа шен-шен ирсана
Седа стиглан басахь.

Шайх махехь тӀулг хуьлуш,
ГӀорийра бӀешераш –
Цхьанхьа а дӀатуьлуш, –
ЦӀерш шайн йоцу йаххьаш.
Дац иза хьажар бен,
Тийна хаттар санна –
Сийначу седане,
Седарчийн дуьнене...
Цхьанхьа а –
ЦӀерш шайн йоцу йаххьаш.
Дац иза хажар бен,
Тийна хаттар санна, –
Сийначу седане,
Седарчийн дуьнене...

Гочийнарз Кусаев Иадиз

Проза

Инга ХАЯУРИ

Мечта

/Рассказ/

Артур и подумать не мог, что в этот день его мечта исполнится. Да и с чего бы ему так думать? День был самый обыкновенный. Утром его, как обычно, разбудил мамин голос. Открыв глаза, он начал разглядывать розу на пожелтевших обоях, вспоминая, как когда-то родители клеили их в новой квартире. Артур в то лето готовился пойти в первый класс и потому чувствовал себя совсем взрослым.

– Ну-ка, подай мне быстро кисточку. Ты же наш будущий кормилец, – говорил отец сыну.

Помогая родителям в таком важном и ответственном деле как ремонт, он уже чувствовал себя кормильцем, хотя и не совсем понимал значения этого слова.

«Кормилец – наверно, кормить с ложки или вилки. И что здесь трудного, это-то я и сейчас смогу», – думал Артур.

– Да, ты наш наследник престола, – поддерживала мужа Милана.

– Вот закончим с обоями, соорудим тебе престол. Будешь восседать на нем, – смеялся отец.

Артур слушал их, подавая все, что они просят, и, хотя не понимал некоторых слов, но чувствовал себя полезным. Ему хотелось быстрее стать взрослым и приступить к своим обязанностям кормильца.

Теперь он уже в 9 классе, многое изменилось с тех пор. Обои уже пожелтели, красивые цветы на них стали блеклыми, и отца уже нет с ними. Кормильцем он пока ещё не стал, да и мама всегда твердит, что рано ему ещё – главное выучиться.

– Твой отец мечтал, чтобы ты стал врачом или адвокатом. Он почему-то считал, что именно люди этих профессий больше помогают людям в тяжелые минуты, – напоминала ему часто мама. – Не суждено ему было увидеть все это, – продолжала она потом, тяжело вздыхая.

Артур продолжал лежать, хотя ему вовсе не хотелось спать. Из кухни доносился шум открывающихся ящиков, дверей кухонного шкафа и свист кипящего чайника.

– Артур, давай быстрее, все почти готово!

Милана продолжала говорить с сыном, пока он собирался в школу. За завтраком обычно она рассказывала ему интересные и смешные истории, которые произошли на рынке, где уже несколько лет работала в продуктовом магазине.

– Мам, а можно сегодня пропустить урок таджвида? – спросил Артур у матери.

– А что случилось, ты болен?

– Да нет. Просто хотел остаться и посмотреть футбольный матч.

– Матч? Это очень важно для тебя?

– «Реал Мадрид» сегодня играет, мам.

– Хорошо. Но ты же помнишь, что я не хочу, чтоб «Йа Син» читал мне кто-то другой. Для меня важно, чтоб именно ты сидел рядом со мной в последние минуты, а не какой-то незнакомый бородатый мулла.

– Не будет незнакомого муллы... давай не будем об этом, ма.

– Я мечтаю, чтоб у тебя все было хорошо, сынок. Ты должен это знать.

– Я знаю, мам. Знаю.

Артур возвращался из школы. Он почти дошел до своего дома, когда его окликнул приятель из соседнего двора:

– Артур! Стой! Куда ты?

– Чего тебе, Руслан?

– Ты куда?

– Домой. Хочу матч посмотреть. Пойдем вместе, – предложил Артур.

– Нет, сейчас нельзя. Вон, видишь, свадебный кортеж? Это за нашей соседкой, замуж она выходит.

– И что? Пусть выходит? Счастья ей.

– Ты посмотри, какие тачки приехали за ней. Видать, богатенький жених.

– А тебе-то что?

– Ты вообще не соображаешь? Вон все мальчишки собрались, ждут, когда кортеж тронется. Мы перекроем им дорогу, а они нам денег дадут.

– Да ну, неохота мне...

Руслан ухватился за рукав Артура и потащил его за собой.

– Да не хочу я кидаться на этот кортеж, Руслан. Мы что, дети?

– Кто тебя просит кидаться? Мы вот здесь посидим, на скамейке. Когда ребяшня остановит кортеж, мы просто подойдем поближе, сделаем вид, что мимо проходим. И всё.

Артур молча сел. Руслан смотрел в сторону своего подъезда. Группа мальчишек в ожидании толпилась возле машин.

Из подъезда начали выносить приданное, которое загрузили в минивэн.

Шофер докурил сигарету, сел за руль и завел свой автомобиль. Молодой парень в сером костюме вел под руку невесту. Ее сопровождали красивые, как модели с подиума, девушки. Когда все заняли свои места в машинах, кортеж тронулся.

Мальчишки быстро окружили машину, в которой везли виновницу этого переполоха. Она уже сравнялась со скамейкой, где сидели Артур и Руслан.

Мужчина, сидевший рядом с шофером, опустил стекло и улыбнулся, обнажив белоснежные зубы.

– Чё, не отпустите нас?

– А ты заплати сначала! Просто так не пустим.

Мужчина достал из кармана несколько купюр размером 500 рублей и протянул мальчишкам. Послышались возмущенные крики.

– Это что за копейки? Больше надо!

– У нас больше нету, мужики. Может, отпустите нас? – продолжал мужчина, улыбаясь.

– Мы вас два часа тут стоим, ждём, проголодались уже. Давай монету, — крикнул один мальчик из группы.

Мужчина достал из кармана пиджака пачку разных купюр. Он высунул руку и раскидал часть пачки. Ребята кинулись собирать деньги. Машина медленно тронулась, а мужчина раскидывал оставшиеся купюры, наблюдая, как мальчишки быстро начали подбирать деньги.

Артур сидя наблюдал за происходящим и увидел в толпе Руслана, который собирал деньги, раскиданные на асфальте. Вдруг он увидел, как к его ногам упала пятитысячная купюра. Когда Артур подобрал ее, то понял, что их аж две. Купюры были новые, потому и слиплись. Он аккуратно свернул их в трубочку и дождался Руслана. Тот подбежал к нему и с радостью показал свой куш.

– Тебе что-нибудь досталось?

Артур показал трубочку в руках.

– Круто! Пойдем вечером куда-нибудь?

– Сегодня мне надо на тренировку, но как-нибудь обязательно пойдем. Спасибо тебе, Руслан.

– Ладно, бывай! — ответил Руслан.

Артур шел домой и твердо знал, что будет делать с этими деньгами. Он так давно мечтал о них, что ему не терпелось пустить их в дело. Быстро поднявшись по ступенькам на свой этаж, Артур отпер дверь. Закинув портфель в комнату, он плюхнулся в кресло и открыл сайт Авито на своем стареньком телефоне. В разделе «Б/у айфоны» начал искать подходящий вариант. Как давно ему хотелось избавиться от своего бюджетного Самсунга! Теперь он может его продать однокласснику. Тогда наберётся нужная сумма. Да и в копилке есть что-то.

Найдя подходящий вариант, он быстро позвонил продавцу желанного телефона и договорился о цене. Всё. Завтра в обед он будет обладателем айфона! Его ничуть не смущало, что телефон будет подержанный. И ничего страшного, что это не последняя модель. Главное — это айфон!

Вечером за ужином Артур спросил у матери:

– Ма, у тебя есть мечта?

– Конечно. Я хочу, чтоб ты вырос достойным человеком.

– А раньше ты о чем мечтала?

– Когда это – раньше?

– Ну в детстве, в юности.

– Да разве сейчас вспомнишь? Хотя, помню, была у меня мечта в детстве... Я очень хотела хлопковое китайское платье. У всех моих сверстниц оно было.

– Неужели у тебя не было платья?

– Было конечно, и немало. Лучше, чем это китайское даже. Папа из разных поездок привозил красивые наряды, а мне хотелось, как у подружек – китайское платье.

– А родители знали, что у тебя есть такая мечта?

– Да нет. Мне тогда почему-то и в голову не пришло рассказать о своём желании. Были другие наряды, и я ими довольствовалась.

– Ну почему нельзя было сказать маме о своей мечте?

– Не знаю. Ты знаешь, Артур, ведь когда мечта исполняется, она уже перестает ею быть. И мы ее воспринимаем не как мечту, а как самую обыкновенную действительность. Сейчас думаю, хорошо, что я так и не попросила маму купить мне его, иначе давно бы о нем уже забыла. Не суждено мне было стать обладательницей этого платья, и потому оно в моей памяти осталось как несбывшаяся мечта. Простое хлопковое платье!

– Только девчонки могут мечтать о платье. Как мало вам надо! – улыбнулся Артур.

– Помнишь, в шесть лет ты мечтал о двухколёсном велике? Отец тебе его подарил. И что? Три дня ты на нем рассекал, а потом забросил.

– Да, но у меня сразу появилась другая мечта! И у тебя тоже появилась бы.

– Человеку свойственно всегда чего-то желать. И это, конечно же, хорошо. Мечты стимулирует человека. Но надо понимать, что не все они сбудутся.

Утром Артур проснулся раньше обычного. Милана возилась на кухне и удивилась, когда увидела уже одетого в школу сына. Артур быстро позавтракал, поцеловал свою маму в лоб и побежал в школу.

Милана ехала на работу в автобусе. Подъезжая к своей остановке, она достала кошелек, чтоб достать мелочь для оплаты проезда. Только открыв его, увидела листок, свернутый в трубочку и перевязанный красной ленточкой. Она раскрыла его и нашла две пятитысячные купюры. На листке, рукой Артура, было написано: «Китайское хлопковое платье вышло из моды, но его можно заменить более современным и подходящим тебе по размеру. Нужно освободить место для новой мечты!»

В это время Артур шел по тротуару в школу. Счастливый...

К 100-летию Ахмага Сулейманова

Роза ИСАЕВА

**А. А. Сулейманов-исследователь:
штрихи к портрету**

Личность ученого, его научное творчество, вклад в науку играют основополагающую роль в воссоздании целостной картины социальной истории науки. Поэтому обращение к вопросу персоналий в науке представляет безусловный научный и практический интерес.

Как известно, одни ученые еще при жизни познают славу и становятся известными, к другим всеобщее признание приходит после его смерти. К первой когорте исследователей относится Ахмад Сулейманович Сулейманов, оставивший яркий след в истории Чечни.

Творческая жизнь А. С. Сулейманова была насыщенной и плодотворной. Диапазон его интересов был широким – его многогранный талант не уместился только в одной области: учитель, поэт, этнограф, знаток фольклора, лингвист, переводчик, музыкант, художник. Он обладал глубокими знаниями и в области истории, географии, мировой литературы [2, с.60, 64].

Не претендуя на исчерпывающее освещение творческого наследия А. С. Сулейманова, остановимся на некоторых аспектах его научно-исследовательской деятельности.

Жизнь и многогранная творческая деятельность А. С. Сулейманова отражают развитие науки и образования Чечено-Ингушетии второй половины XX в.

Задатки его творческой природы проявились уже в детском возрасте. «Чеченские мифы, сказания, легенды, народные песни, которые постоянно звучали в их доме, создавали атмосферу высокой духовности, которую с детства впитал в себя Ахмад Сулейманович» [1, с. 276-277]. Ростки его многогранного таланта пробились вначале в стихосложении, музыке, рисовании.

Талант исследователя ждал своего воплощения. После окончания средней школы Ахмада захлестнула административная работа. Это были 1930-е годы. Печально известные 1930-е...

В Чечено-Ингушетии, как и по всей стране, развернулись репрессии и преследования немногочисленной национальной интеллигенции. В результате репрессий интеллигенции был нанесен невосполнимый урон, имевший тяжелейшие последствия для всех сторон общественной жизни Чечено-Ингушетии, в том числе и науки. Репрессивная политика оказала крайне негативное воздействие на темпы и уровень развития научных исследований, так как страх перед необоснованными обвинениями сковывал творческую мысль [3, с.6; 4, с.185].

Вместе с тем, к концу 30-х гг. XX в. в социально-экономической сфере Чечено-Ингушетии произошли большие перемены.

Хотя индустриальный скачок был достигнут дорогой ценой, тем не менее здесь он заложил

базу для преодоления хозяйственной и культурной отсталости национальной окраины. Крупные успехи в развитии нефтяной отрасли способствовали укреплению материально-технической базы для последующего подъема экономики и социальной сферы и создали условия для развития науки. Однако поступательное развитие Чечено-Ингушской республики было прервано Великой Отечественной войной и депортацией чеченского народа в 1944 г.

С этого времени начинается новый этап в жизни Ахмада Сулеймановича, который был депортирован вместе со своим народом в Казахстан. Даже в тяжелейших условиях физического выживания он не забывал малую родину.

«Неужели мы никогда больше не увидим родных мест? Неужели не вернемся? Неужели не останется и памяти о том, что в горах Кавказа жили вайнахи?» – эти мысли не давали ему покоя [1, с. 278]. Теперь и росток исследователя пробился в нем и не находил своей реализации. Подвернулся случай. Однажды перед ними, студентами, выступал профессор из Москвы с лекцией, после которой Ахмад спросил у него, существует ли такая наука, способная доказать, что тот или иной народ – хозяин земли, на которой он проживает. «Такая наука есть, молодой человек, – ответил профессор. – Она называется топонимия. Эта наука утверждает, что человек обязательно оставляет свои следы там, где живет, в названиях сел, рек, холмов, святылиц» [1, с. 278-279].

«Наверное, больше мы свое Отечество не увидим, – писал Ахмад Сулейманов в те годы. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы увековечить названия мест... моего родного края. Будущие поколения должны знать, что это был... край чеченцев» [1, с. 279].

Так, будучи студентом Семипалатинского педагогического института, куда поступил в 1955 г., Ахмад продолжал настойчиво размышлять о происхождении чеченского народа, его расселении, обычаях, традициях, быте. Именно в этот период были заложены истоки его научного творчества, началось формирование его как исследователя. При этом, не получая теоретических знаний о предмете исследования, самостоятельно овладевая методами проведения полевых научных изысканий, без наставника, по велению души, из-за бесконечной любви к малой родине, огромного желания отдать дань своему многострадальному народу.

Между тем, время и среда, которая окружала Ахмада Сулеймановича, были сложными. Клеймо «враг народа», «спецпереселенец» не позволяло многое. В этих условиях он проявил настоящее упорство, настойчивость, мужество. Ахмад Сулейманович стал встречаться с информантами – со ссыльными чеченскими стариками, спрашивать и записывать названия чеченских селений и вникать в их происхождение [1; с. 279]. И это в условиях, когда существовали колоссальные трудности и ограничения в передвижениях спецпереселенцев.

После воссоздания Чечено-Ингушской АССР в 1957 г. в республике начались восстановительные процессы, в том числе возрождение прерванного депортацией изучения на качественно новом уровне исторического прошлого чеченцев и ингушей, а также их языков и литератур.

Несмотря на организационные трудности, вернувшаяся из депортации немногочисленная чеченская интеллигенция, истосковавшаяся по своей малой родине, с головой ушла в творче-

ство, в том числе и научное. Вернулся и Ахмад Сулейманович, как и другая молодежь, подающая большие надежды на поприще научного творчества.

Один из первых студентов Чечено-Ингушского педагогического института А.М. Арсанукаев вспоминал: «Дух патриотизма объединил в едином порыве молодых людей, вернувшихся на родину из мест высылки. Желание быть полезным для своего многострадального народа, для родной республики было безмерно» [6, с.7]. Эта атмосфера оказала огромное стимулирующее влияние на Ахмада Сулеймановича. Он переводится в ЧИГПИ и успешно оканчивает его, получив квалификацию филолога.

Судьба распорядилась так, что Ахмад Сулейманович навсегда связал себя со школьным образованием: был учителем (имел почетное звание «Заслуженный учитель ЧИАССР»), директором школы, составлял учебники по чеченской литературе для старшеклассников. Его отличала высокая работоспособность, незаурядное педагогическое дарование и увлеченность.

А наука... А. С. Сулейманов не расстался со своей мечтой. Напротив, научные поиски продолжались. Избрана окончательно область научных интересов – топонимия, которой верно служил А. С. Сулейманов в течение всей своей жизни.

«Составляя топонимию родного края, я создаю паспорт своего Отечества», – так кратко и емко он определил свою цель, которая стала главной в его научном творчестве [1, с. 309-310].

Так, параллельно с основной работой на ниве образования, начинается наиболее плодотворный период его исследовательской деятельности, трудной, напряженной, полной неожиданностей и надежд. Ведь, по выражению А. Ф. Иоффе, «один талант ничто, нужна еще громадная трудоспособность, работа над собой, непрерывная работа всю жизнь. Недаром сравнивают научное творчество с подъемом на высоту, но подъему нет конца: только вечное стремление вперед движет науку...» [7, с. 68].

Известно, что у каждого исследователя свой творческий путь. Так уж сложилось, что Ахмаду Сулеймановичу был предначертан путь ученого-одиночки (только в 1982 г. он был приглашен на должность научного сотрудника в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, где проработал всего 5 лет) [2, с.18].

О феномене современных ученых-одиночек Н. Н. Семенов писал: «Не следует думать, что молодой ученый – это только тот, кто работает в соответствующем институте под руководством академиков и профессоров, имеет научное звание или ученую степень. Науку движут вперед и молодые новаторы, рационализаторы, изобретатели, упорно работающие каждый в своей области, создающие немало нового, лежащего в фундаменте величественного здания науки» [7, с. 153].

Главное преимущество деятельности ученого-одиночки – это определенная независимость. Ни от кого не завися, не получая задания и средства, он в то же время занимался исследовательской деятельностью на свои средства, тратя свое личное время. Ввиду отсутствия плановых заданий с определенными сроками выполнения он проводил свои полевые исследования без суетливой спешки, подробно вникая в суть проблемы, по своим возможностям. В течение всего периода его исследовательской деятельности он был ограничен в средствах. Работа в школе отнимала много

сил и времени. Только в свободное от основной педагогической деятельности время и во время отпуска всецело отдавался науке, литературе, музыке.

Трудно найти место или уголок, где бы он ни побывал в поисках топонимических, этнографических, исторических сведений. Ахмад Сулейманович исколесил всю Чечено-Ингушетию, побывал в Северной Осетии, Дагестане, Грузии, Армении. По воспоминаниям дочери: «Он ставил на краю села палатку и жил там, пока собирал материал. Сельчане звали его к себе. Но он не любил создавать никому проблем. Люди приносили ему еду» [1, с. 282].

Так, в течение четверти века он собрал в непростых полевых условиях накопил огромный материал по топонимии, фольклору, языку, истории, имеющий огромное научное и практическое значение.

Были зарегистрированы с последующими комментариями «святые и культовые места на территории Чечено-Ингушетии, отмечены многочисленные минеральные источники, места, служившие в древности рудниками для добывания полезных ископаемых, а также почти все горные вершины, перевалы, холмы, хребты, речки и родники, бугры, курганы, лесные массивы, пещеры, озера, древние могильники, солнечные склепы, развалины, боевые и жилые башни с указанием их владельцев и др.» [8, с. 5].

При проведении полевых работ Ахмад Сулейманович сталкивался с большими трудностями. «Древние аулы заброшены и от них остались одни руины, – сокрушался ученый. – В связи с этими фактами топонимические названия забываются, все меньше старожилов, «знающих все» и «помнящих все» [1, с. 283].

Наряду с топонимами родного края А.С. Сулеймановым собран богатейший материал устного народного творчества чеченского народа. Им были записаны старинные легенды, предания, песни, героические сказания о нартах, которые он облек в превосходную литературную форму. Это «Слезы матери», «Гордый Малцаг Насырхоевский», «Запруда Кесирь», «Курган Алпатова».

Безусловно, самая ценная из его научных находок – два варианта мифа о Пхьармате (Прометее). Сюжет легенды «Пхьармат» (Прометей) считается ценнейшим литературным памятником [2, с. 18].

В проведении своих научных изысканий А. С. Сулейманов «проявлял интерес не только к языковому, но и этнографическим особенностям. Им были выделены все этнические общества с учетом исторически сложившихся географических районов локализации, а также их говора и диалекта» [8, с. 7].

Информанты А.С. Сулейманова – это люди старшего поколения: вайнахи, адыги, армяне, греки, грузины, дагестанцы, евреи, казахи осетины, русские, таджики, тушины, узбеки, и др. [8, с. 5].

И результатом многолетней, поистине подвижнической, бескорыстной и плодотворной деятельности стал его фундаментальный труд – «Топонимия Чечено-Ингушетии». Как считают специалисты, им проделана огромная работа, «которая могла оказаться под силу разве что целому НИИ». Перелистывая страницы этой уникальной книги, не перестаешь удивляться, что все это – результат работы одного человека! [1, с. 276-277]. Ученый-фольклорист И. Б. Мунаев вспоминает: «В 1977 или 1978 г. я упросил Ахмада Сулеймановича побывать вместе со мной в Институте этнологии и

антропологии АН СССР и показать только что законченную им первую часть «Топонимии Чечено-Ингушетии». Члены Ученого совета института, после ознакомления с представленной книгой, просто отказывались верить, что это труд одного лишь человека» [1, с. 286].

Невзирая на то, что с момента издания его главного труда «ведутся дискуссии относительно полноты представленных в нем сведений», его значимость трудно переоценить» [5].

За 13 лет, что вайнахи провели в депортации, с карты республики исчезли практически все вайнахские названия сел, городов, рек, родников, гор, то есть исчез пласт, который доказывал, что они – аборигены этих мест. «Топонимия Чечено-Ингушетии» А. С. Сулейманова заново «возвратила» вайнахам край, землю, на которой они жили с древнейших времен [2, с.107].

В. А. Энгельгардт отмечал: «Стало так привычно говорить, что такой-то отдал всю свою жизнь служению науке. Но правильно ли это? Не вернее ли было бы сказать, что там, где мы имеем дело с подлинным проявлением научного творчества сама наука служила ученому источником величайшего удовлетворения, самых глубоких радостных переживаний» [7, с.194]. Эти слова можно с полным правом отнести и к А.С. Сулейманову, иначе как можно объяснить его бескорыстную подвижническую исследовательскую деятельность?

Личность А. С. Сулейманова как исследователя является ярким явлением в научной жизни Чечено-Ингушетии второй половины XX в. Он отдал весь огонь своего сердца, творчества служению своему народу, обогатив и навсегда вписав свое имя в историю науки Чеченской Республики.

Научное наследие А.С. Сулейманова, в том числе удостоенный в 1995 г. Государственной премии Чеченской Республики труд «Топонимия Чечено-Ингушетии», и сегодня остается ценнейшим материалом для изучения родного края.

Литература:

1. Берсанова З.Х-А. Судьбы ученых. (Сборник документальных очерков). Т.І. – Элиста: «Джангар», 2014. – 464 с.
2. Добрый след на Земле. О жизни и творчестве А.С.Сулейманова. – Грозный, 2016.
3. Живая память: О жертвах сталинских репрессий: [Сборник]. – Грозный: «Книга», 1991. – 80 с.
4. Исаева Р.М. Интеллигенция Чечни и репрессии 1930-х годов (к постановке вопроса). //Материалы научно-практической конференции «Чечня на рубеже веков: состояние и перспективы». 27 марта 2004 г., в 2-х томах. Региональная общественная организация «Интеллектуальный центр Чеченской Республики». Т.ІІ. – Грозный, 2004. С.183-188.
5. Ицлаев А., Исмаилов А. Ожить и заговорить. //Вести Республики, 2013, 20 апреля.
6. Они были первыми. Очерки, посвященные первым выпускникам Отделения вайнахской филологии Чеченского государственного университета. – Грозный: Изд-во «АРФА-ПРЕСС», 2007. 176 с.
7. Слово о науке. М.: Знание, 1986. 288 с.
8. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. – Грозный: Книжное издательство, 2006. – 711 с/

К 100-летию Ахмага Сулейманова

Асет ХАЛИКОВА

Диалектизмы в легенде «Пхьябри», записанной А. А. Сулеймановым

Чеченский язык входит в нахскую языковую подгруппу и является диалектно дифференцированным. Диалектам и говорам чеченского языка характерно наличие одинаковых и различных лексических единиц. Лексику диалектов и говоров чеченского языка можно разделить на три группы:

- 1) основной пласт лексики, который не имеет территориального ограничения и входит в словарный состав всех или большинства диалектов и говоров чеченского языка, однако имеет свои диалектные формы, которые определяются наличием фонетических и грамматических особенностей;
- 2) слова-диалектизмы, которые имеют ограниченную территорию распространения, т.е. данные слова употребляются только в определенной местности;
- 3) диалектизмы, которые функционируют только в определенных диалектах и говорах чеченского языка.

В некоторых художественных произведениях можно встретить диалектизмы, которые способствуют передаче специфики речи жителей определенной местности. Диалектизмы являются материалом для многих лингвистических исследований. Благодаря тому, что в диалектах сохранено большинство архаических черт, изучение диалектов дает возможность глубже воссоздать историю развития языка и его особенностей. Являясь неотделимыми частями одного языка, литературный язык и диалекты постоянно влияют друг на друга.

В чеченской художественной литературе нередки случаи, когда в произведениях тех или иных авторов встречаются диалектизмы. Обычно диалектизмы можно встретить в произведениях писателей, которые родом из села, или тех, кто хорошо знаком с народной речью: М. Бексултанова, М. Завриева, А. Сулейманова, М-С. Гадаева, Ш.Окуева и многих других. Также среди некоторых фольклорных произведений, записанных учеными-языковедами и писателями, можно встретить те, которые не подверглись литературной обработке и сохранили исходный диалектный вариант. К таким можно отнести материалы по итумкалинскому диалекту, записанные и исследованные А. Д. Тимаевым [7], А. Сулеймановым [4] и другими.

В данной статье сделана попытка лексического анализа диалектизмов легенды «Пхьябри» [4], которая была записана А. Сулеймановым в 1940 году от информатора села Зумсой Гелы, сохранившей в некоторой степени итумкалинский диалект чеченского языка.

Как известно, литературный язык пополняется за счет диалектизмов, которые усваиваются литературным языком в течение длительного времени. Использование диалектизмов также помогает при решении различных художественных задач. Они являются вспомогательным средством для обозначения жизненно важных понятий, предметов, синонимичных наименований, которых нет в литературном языке. Художественные и фольклорные тексты, в которых сохранены особенности того или иного диалекта, имеют важное значение не только для литературы и фольклора, но, в первую очередь, и для языка тоже, т.к. литература и фольклор являются инструментом, который служит для фиксации, сохранения и передачи языковой картины.

Диалектизм – это лексическая единица, характерная для определенного диалекта. Диалектизмы включаются в художественные произведения при описании сельской жизни, для создания речевой характеристики персонажей. Также диалектизмы можно встретить в фольклорных текстах, записанных от информаторов-носителей того или иного диалекта. Все они или обозначают специфические предметы или характеризуют рассказчика как представителя местного говора. В легенде «Пхъаьри» встречаются различные типы диалектизмов (Іержи – черный, в лит. Іаьржа, никъ – дорога, в лит. некъ, цІи – огонь, в лит. цІе, гуолаштІ – на колени, в лит. голаш тІе и др.).

Диалектизмы можно разделить на несколько типов: фонетические, грамматические, лексические, семантические, этнографические, фразеологические, акцентологические [5].

1. Фонетические диалектизмы – слова, в которых отражаются фонетические особенности определенных диалектов и говоров: в шар. дуорк – туман (в лит. дуохк; Іохайна//Іахайна – присел (в лит. охъахиъна), кхена – кхиъна (зрелый) (шар. диал.), бІад – утка (в лит. бад) и т.д.

2. Грамматические диалектизмы имеют грамматические особенности, не свойственные литературному языку: гуолаштІ (в лит. ‘гуолаш тІе’) – ‘на колени’; баттатІ (в лит. ‘батта тІехъ’) – на луне и т.д.

3. Лексические диалектизмы – это слова, которые употребляются на определенной территории, они известны, как правило, только носителям данного диалекта. Лексические диалектизмы подразделяются на следующие группы:

1) лексические – местные названия каких-либо явлений или предметов, которые имеют сходные по смыслу аналоги в литературном языке: ноахал//нохол//нахал (ду) – чкъор (поколение) (шар. диал.), ‘гударг’ (йу) (в мелх. говоре галанч. диал.) – ‘маленький стул’ (в лит. лоха гІант); ‘герми’ (йу) (в мелх. говоре галанч. диал.) (в лит. ‘горгам’) – ‘тряпка’; ‘хъалчагІ’ (ду) – ‘свадьба (в мелх. Говоре галанч. диал.)’; ‘пйл’ (в лит. ‘стака’) – ‘стакан’ (в мелх. говоре галанч. диал.) (от информатора Хаяури Инга (1980 г. представитель тейпа мелхий) и т.д.;

2) лексико-фонетические диалектизмы отражают нерегулярные фонетические особенности – дагахвала – дагавала (посоветоваться), дуогхуовала – дохкуовала (сожалеть), довз – дитт (дерево) и т.д.;

3) лексико-словообразовательные диалектизмы, имеющие определённые отличия в своей словообразовательной структуре по сравнению с литературным языком – нанайхъор – нанагІар, зудараш – зударий (женщины), цариг буода – цергаш йохка (в шикъаройском говоре шаройского

диалекта) (от информатора Маликова Зезаг, 1926 г.р., представитель тейпа шикъарой) и т.д.

4. Семантические диалектизмы – тип слов, который имеет совершенно другое значение, в отличие от слов литературного языка: векъа – худой (в шар. диал.), декъа – сухой (в лит. яз.) и т.д.

5. Этнографические диалектизмы, которые имеют названия, известные только в определенной местности или среди представителей того или иного диалекта: в шар. бІайш – лысый; лашкар – косоглазый; дистматтах – натошак; йист уозо // йист гІоттуо – зевать и т.д.

6. Фразеологические диалектизмы – устойчивые сочетания слов, которые функционируют в определенных диалектах: в шар. диал. йоъум лаках хъаккхал йац (йаахІума логах тоххал а йац) – еды очень мало и т.д.

7. Акцентологические диалектизмы, которые в диалектах и в литературном языке имеют одинаковое значение, однако ударение в данных словах расставлено по-разному. Например, в шар. багā (в лит. языке бага) – рот; хъāкха (в лит. яз. хъакха) – красить и т.д.

В легенде «Пхъаьри», записанной А.С. Сулеймановым, можно выделить следующие типы диалектизмов, в которых отражены особенности итум-калинского диалекта чеченского языка.

1) фонетические диалектизмы: гуй (в лит. ‘гой’) – ‘видишь’; вож (в лит. ‘важа’) – ‘другой’; овш (в лит. ‘уьш’) – ‘они’; аз (в лит. ‘иза’) – ‘она’; никъ (в лит. ‘некъ’) – ‘дорога’; севсна (в лит. ‘севцина’) – ‘остановились’; хъалалаьсна (в лит. ‘хъалалаьсна’) – ‘держат, поддерживают’; тоххур (в лит. ‘тоххара’) – ‘раньше’; нерт (в лит. ‘наьрт’) – ‘нарт’; йерк (в лит. ‘йехк’) – ‘расческа’; эггур (в лит. ‘уггар’) – ‘самый’; цІи (в лит. ‘цІе’) – ‘огонь’; олхузур (в лит. ‘олхазар’) – ‘птичка’; виэна (в лит. ‘веана’) – ‘пришел’; суона (в лит. ‘суна’) – ‘мне’; Іокхосса (в лит. ‘охъакхосса’) – ‘брось’; хештиг (в лит. ‘хаштиг’) – ‘факел’; хазана (в лит. ‘хезна // хезана’) – ‘услыхал’; лубсти (в лит. ‘лубста’) – ‘густой’; Іержи (в лит. ‘Іержи’) – ‘черный’; эрке (в лит. ‘аьхке’) – ‘лето’; хІунза (в лит. ‘хІинца’) – ‘теперь’; мерша (в лит. ‘маьрша’) – ‘свободный’; дІавиркира (в лит. ‘дІавихкира’) – ‘связали’; дики (в лит. ‘дика’) – ‘хороший’; кхерач (в лит. ‘кхерч’) – ‘очаг’; дІогарч (в лит. ‘дІогарчу’) – ‘на том’; эткъад (в лит. ‘этІадо’) – ‘рвать, раскалывать’ тІи (в лит. ‘тІехъ’) – ‘на’; чІогІу (в лит. ‘чІогІа’) – ‘твердый’; бижайра (в лит. ‘бижийра’) – ‘уложил’ т.д.;

2) грамматические диалектизмы: гуолаштІ (в лит. ‘гуолаш тІе’) – ‘на колени’; баттатІ (в лит. ‘батта тІехъ’) – на луне; дегІатІ (в лит. ‘дегІа тІе’) – ‘на теле’; дерг ду (в лит. ‘дийр ду’) – ‘сделаю’; кхераг (в лит. ‘кхера’) – ‘камень’; воврг ву (в лит. ‘вовр ву’) – ‘пропадешь’; хІуна (в лит. ‘хІунда’) – ‘зачем’; доркуо вelayхъа (в лит. ‘дохкуо ваьллий хьо’) – ‘ты раскаиваешься’ и т.д.

3) лексические диалектизмы: хІуза (в лит. ‘хІу доцуш’) – ‘без потомства’; халайхъ (в лит. ‘халахъ’) – ‘если узнает’; и т.д.

Надо также отметить, что некоторые диалектизмы данного текста сочетают несколько особенностей того или иного типа диалектизмов. Практически во всех типах диалектизмов можно выделить и фонетические особенности данных диалектизмов, что позволяет отнести их и к фонетическому типу диалектизмов тоже;

4) этнографические диалектизмы: нур согуш (в лит. ‘нур къагош (латош)’) – ‘зажигает, дает свет’; лийг (в лит. ‘лу’) – ‘косуля’ и т.д.

5) фразеологические диалектизмы: никъ дика хилбахъан (в лит. 'некъ дика хуьлда хъан') – 'счастливого пути'; хIуза вовр ву (в лит. 'хIу доцуш, тIаьхье йоцуш вовр ву') – 'останется без потомства' и т.д.

В легенде «Пхъаьри», безусловно, можно было бы выделить и акцентологический тип диалектизмов, если бы существовал транскрипционный вариант данной легенды.

Выводы:

Таким образом, в легенде «Пхъаьри», записанной А.С. Сулеймановым, мы находим следующие типы диалектизмов: – фонетические диалектизмы: гуй (в лит. 'гой') – 'видишь'; вож (в лит. 'важа') – 'другой'; овш (в лит. 'уьш') – 'они' и т.д. – грамматические диалектизмы: гуолаштI (в лит. 'гуолаш тIе') – 'на колени' и т.д. – лексические диалектизмы: хIуза (в лит. 'хIу доцуш') – 'без потомства' и т.д. – этнографические диалектизмы: нур согуш (в лит. 'нур къагош (латош)') – 'зажигает, дает свет' и т.д. – фразеологические диалектизмы: никъ дика хилбахъан (в лит. 'некъ дика хуьлда хъан') 'счастливого пути' и т.д.

Литература:

1. Арсаханов И.Г. Чеченская диалектология. – Грозный, 1969.
2. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
3. Мациев А.Г. Чеберлойский диалект чеченского языка // Известия ЧИНИИИЯЛ, т. VI, вып. 2. Языкознание. – Грозный, 1965.
4. Нохчийн фольклор, Том III. – Собыла-Пала АО «ИПК «Грозненский рабочий» – 2015.
5. <https://wordsonline.ru/lexis/dialectizmy.html>
6. Прохорова В.Н. Диалектизмы в языке художественной литературы. – М., 1957. С. II.
7. Тимаев А.Д. Шатойский говор горского диалекта чеченского языка в сравнении с плоскостным диалектом и итумкалинским говором. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009.
8. Чокаев К.З. К вопросу бытования образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей. Известия ЧИНИИИЯЛ, т. VI, вып. 3, литературоведение. – Грозный: 1972.
9. Чокаев К.З. Еще раз о Прометее в чеченском фольклоре. // Ж-л «Пхъармат» – Собыла-Пала: 1992, 16-25 а.

Лири

Раиса АХМАТОВА

ОТКРОВЕНИЕ

Нет, я перед любовью не лгала,
 Не прятала её от глаз недобрых.
 Как совесть, неподкупна и светла,
 Она вставала из глубин бездонных.

Да, мне досталась дорого она.
 Трудна и высока её безбрежность...
 И если я с тобою так нежна,
 Ты знай –
 она мне даровала нежность.

Я и горда, и мужественна с ней,
 Она меня всегда оберегала.
 И под защитой любви своей
 Я – словно речка между берегами.

Когда я, покоя не зная,
 беседую с дальней звездой,
 не скажет звезда голубая,
 что делать с моею бедой.

Но, кажется, всё понимает,
 так близко, так ясно видна...

И вскоре меня покидает
 тревога, лишившая сна.

Когда из аула родного
 бреду я, а полночь близка,
 то слышу я доброе слово
 в прозрачной струе родника.

А ты – ведь ждала и просила,
 пока ещё не был чужим, –
 не смог поддержать мои силы
 ни словом, ни взглядом одним...

Перевела Л. Барбас

Ночь. Синий удивительный покой,
 И россыпь звёзд, как сказочная роспись,
 И месяц – позолоченной серьгой,
 И тучи в небе – дымом папиросным.

А где-то рядом шепчут тополя,
 Сложив, как руки, медленные ветви.
 Молчи и слушай, как поёт земля,
 Как ей несмело подпеваает ветер.

Хочу я слиться с тишиной ночной,
 Прошелестеть в кустах бессонной птицей,
 Забиться родниковой водой
 Или к далеким звёздам устремиться.

Ты – главный человек в моей судьбе,
 Сниму звезду и подарю тебе.

Не заметил ты, когда прощала,
 Не заметил ты, когда встречала
 И ждала, не уставая ждать.
 Ты не понял с самого начала

То, что сердце для тебя стучало...
Что же хочешь ты теперь понять?!

Всё любовь выносит, но небрежность
Ни простить, ни позабыть нельзя.
Заморозили любовь и нежность
Равнодушные твои глаза.

Не проси. Не задавай вопросов.
И не строй из этого беды.
Нет, не повинился ты,
А просто человека не заметил ты.

Перевела И. Озерова

ПАМЯТИ МАТЕРИ

И в дни беды, и в дни удачи
Приду к тебе – лишь руки протяни.
Ликуй со мной, утешь, когда заплачу,
От горьких бед спаси и охрани.

Меня в огонь по горло окунало.
Прекрасна жизнь со всем, что ни пришло!
Бывало, птицей раненой стонала,
Но каждый раз вставала на крыло.

«И голос тих, и силы не нажито...» –
Ты всё твердишь, чтоб, мол, побереглась.
Но вот – земля. Она моя защита.
Она и ты... Могут ли я без вас?

Я в злой мой час
в беспамятстве металась,
Мне сорок солнц сияло по ночам,
Когда я в воздух пальцами вцеплялась,
Тебе сквозь бред задушенно крича.

Не врач ты, но у мрака вырывала
Рассудок мой, готовый потонуть.
И я опять из пепла восставала
И снова шла – сжигающей свой путь.

Твой взор потух, узлами вспухли вены.
Седая прядь видна из-под платка.
Прости за всё. Позволь благоговейно
Припасть к твоим врачующим рукам.

Не позабыл, как низко зреют звёзды
В родном краю – преддверии небес.
Чуть-чуть привстал –
и рвёшь тугие гроздьи,
В прохладный мрак до пояса залез...

А этих рек крутое воспаренье,
Где двух стихий, сроднившихся в одно,
Идёт неодолимое боренье!
А ледников морозное руно!

Каким аульским выдумщиком создан
Весь этот мир у края бытия –
Моя земля, где люди, точно звёзды,
Любовь моя, бессонница моя.

Если скажут тебе, что к реке поутру
Я схожу осторожной тропой
И тоскую, и жду на студенном ветру,
Ты не верь. Я живу не тобой.

Если скажут тебе, что я лесом брожу,
За покой благодарна судьбе,
И слова, как нектар,
сквозь тростинку цежу,
Ты не верь. Я пишу не тебе.

Чьим-то именем полно пустое жильё.
Я твержу его, горько скорбя.
Если скажут тебе: это имя – твоё,
Ты не верь. Я зову не тебя.

Перевёл Г. Русаков

Проза

Аминат ТАПАЛАЕВА

Аминат Тапалаева родилась в 1983 году в чеченском селе Бердыкель. Окончила физико-математический и филологический факультеты Чеченского государственного университета. Работает журналистом на ГТРК «Вайнах». Первая книга «Деца дукъ» («Тяжёлое бремя») вышла в 2014 году. В 2017-м – вторая книга «Ненан хьоме муьлханиг ву» («Кто у мамы милее») – детские сказки. Произведения переведены на русский и немецкий языки. Член Союза писателей ЧР.

Юноша на белом коне

/Рассказ/

Случилось это однажды летом. Все мои коллеги по работе разъезжались на отдых кто куда. Я же была единственной среди них, изъявившей желание отдыхать в горах. От старших я много слышала об удивительной красоте горного края, живописных картинах природы, щедром гостеприимстве его жителей. Считала своим долгом посетить край, откуда родом были мои предки.

Меня с радостью приняла, жившая к тому времени одна, троюродная сестра моего отца Нахапу, которую мы все звали Децей. Ее единственный сын, хотя с ней и не жил, не оставлял ее без внимания. Хозяйство Децы составляли две дойные коровы с двумя телятами и несколько кур. Несмотря на то, что дом был маленький и бросалось в глаза отсутствие роскоши, во всем чувствовалась заботливая рука хорошей хозяйки.

Мои первые впечатления от встречи с горным краем оказались не самыми радостными. Они привели меня к разочарованию и к некоторому душевному замешательству. Сказочное представление о жизни в горах растворилось в суровой реальности быта горцев. «Как же люди здесь живут?!» – родилась у меня мысль, проезжая улицы горных сел. Площади были безлюдны. Было ощущение, что все погрузилось в какую-то тяжелую тишину.

Уставшая с дороги, едва успев перекусить, я прилегла отдохнуть. Быстро заснула. Видимо, сказалась тяжелая дальняя дорога. Проснувшись утром, поправив постель, я вышла во двор. Открывшаяся моему взору картина привела меня к восторженному удивлению. Поднимаясь с зеленых лугов, меня обаял чистый утренний воздух. Вокруг воцарилась абсолютная гармония! Это давало

ощущение ясности мысли, создавало особый мир чувств... «Неужели это то самое село, которое еще вчера показалось мне мрачным и непривлекательным?!» – подумала я... Но все оборвалось вдруг от неловкости, когда я увидела чисто прибранные комнаты и двор, как будто хозяйка всю ночь и не ложилась спать... Деца слыла хорошей хозяйкой. Буду ли я такой же?! Эта мысль подавляла мое невольное восхищение Децей, рождала чувство соперничества с ней...

– Ты встала?! Я, пока ты не проснулась, готовила свежие сливки, – сказала Деца, возвращавшаяся домой от соседей, у которых она пропускала через сепаратор молоко. Испытывая большое чувство неловкости, опустил глаза, я вышла вперед, чтобы взять у Децы ведро с молоком.

– Почему ты не разбудила меня? Я бы помогла тебе!

– Да я ничего такого и не делала... Сходи, сделай туо-берам. Попьем с тобой чай, – сказала она и ушла. На какое-то время я остановилась и смотрела ей вслед с мыслью: «Она уже старая женщина, но ее активности и ловкости может позавидовать любая молодая женщина».

Мы пили чай, разговаривали о разных вещах. «Дочка, через два дома от нас живет Хожа, его сын женился, и сегодня невесту везут домой к мужу. Меня просят привести тебя на свадьбу», – сказала Деца. Не помню, о чем я подумала в этот момент, но было странное ощущение: «Я на вечеринке!» Меня это, с одной стороны, рассмешило – представляла себя совсем юной девицей. С другой же стороны, отдавая дань глубокой традиции, всегда питавшей особым теплом жизнь горцев, была обрадована. К этому примешивалось и понимание того, что в далеком городе я совсем оторвалась от традиций.

Я считала, что мне не следует идти на вечеринку, потому что никогда не была в таких местах раньше, хотя мне уже 25 лет. Сначала училась, потом работала, времена ушли! Теперь «нет»! Я приехала просто отдохнуть!

Пока я успела насладиться тихим вечерним воздухом, поднимавшимся с горных лугов, к нам зашла Хожина жена, Мелижа. Оказалось, она пришла по просьбе молодых людей села. А я, спустя некоторое время, уже была на чеченской свадьбе. Друг напротив друга сидели юноши и девушки. Меня посадили в ряд с девушками. Кто-то танцевал, кто-то просто веселился. Так, без особых примет, совершался свадебный ритуал. В какой-то момент я поймала на себе чей-то взгляд. Украдкой посмотрев, я увидела красивого юношу. На нем была каракулевая шапка, которой не было больше ни на ком. «Почему он в этой шапке?» – подумала я.

На протяжении всей свадьбы он не сводил с меня глаз, хотя и не приглашал меня на танец, не вызывал к общению. Он выражал все свои мысли взглядом.

Когда на следующий день соседская девочка сказала мне: «Тебя зовет к роднику юноша на белом коне», – мне показалось, что она шутит.

– Кто зовет?!

– Юноша, который вчера на свадьбе... у него конь белый... Он велел сказать именно так, сказал, что ты поймешь.

Несмотря на лето, вечера в горах прохладные, и поэтому я, накинув на себя еще что-то поверх платья, с соседской девочкой, отправилась к роднику.

– Добрый вечер, Петимат! Да благословит тебя Всевышний за то, что ты, проявив уважение к моей просьбе, вышла ко мне.

То, что я увидела до того, как услышала эти слова, чуть не лишило меня рассудка. Около родни-

ка, держа белого коня за узды, стоял юноша. Он был один, в черной бурке. Я видела такую бурку только по телевизору, на артистах, танцующих национальный танец. На голове – каракулевая шапка, в которой он был вчера. То, что он говорил дальше, больше было похоже на речь, которую обычно произносят на страницах книг о большой любви.

– Долгих лет тебе жизни... – произнесла я кое-как, когда пришла в себя.

Природа вокруг вдруг затихла: легкий ветерок игриво шевелил листья на деревьях. Было ощущение, что они боятся быть свидетелями нашего разговора. Казалось, что и природа изменилась. Казалось, родник, многовековой свидетель настоящей любви, был также удивлен.

– Ты слышишь?

– А ты слышишь? – переспросила я, хотя ничего и не слышала.

– Родник говорит! – он стоял, уткнувшись взглядом в него, как будто разговаривал с ним.

– Не слышу! А что он говорит?

– Он говорит о своем страхе за настоящую любовь, свидетелем зарождения которой он был многие века. О ней, он считает, остались только старые предания, смысл его существования становится уже. Он устал искать в сердцах людей тепло любви. Девушки, забыв о своих кувшинах, собирают цветы, а юноши, оставив лошадей, заблудились в лесах... Родник просит о своем спасении...

Нельзя сказать, что я раньше не задумывалась над тем, как далеко мой народ ушел от былых законов и традиций. Но то, что глубоко я над этим никогда не задумывалась, мне стало понятно только сейчас.

– Ты узнала меня? Я же тебя узнал, как только увидел.

– А мы разве знакомы?

– Что это значит? Только не говори, что ты не смотрела на юношу в бурке и на белом коне?!

– Не скажу! Неужели найдется девушка, которая не ожидала бы своего юношу на белом коне?!

Значит, ты явился из моей мечты?!

– Да, конечно! Прости, что задержался, дороги были тяжелые!

Мне показалось, что я попала в сказку! Я не знала его имени, но казалось, что мне никогда не надоест слушать его. Он действительно был будто из сказки. Юноша на белом коне заставил меня забыть все трудности жизни!.. Чуть поодаль стояла девочка, с которой я пришла. Она ждала, пока мы закончим разговор.

– Ты уходишь, не спросив моего имени? – крикнул он вслед позже.

– Я знаю, как тебя зовут. Ты «Юноша на белом коне», – не совсем осознавая, что говорю, ответила я.

– Ва-ха-ха-ха! Ты хочешь удивить людей, назвав меня так. Я – Ибрагим, – крикнул он вслед, когда я уже была далеко.

На следующее утро я поняла, что ни о чем другом не могу думать, кроме как о нем. Когда вечером соседская девочка вошла во двор, ей не нужно было ничего говорить. Я поняла все, прислушавшись к собственному сердцу. Выйдя во двор, вдруг вспомнила о кувшине Децы, стоявшем в сених. «Как же я пойду к роднику без кувшина?..» Подняв кувшин на свои плечи, я пошла к роднику, как подобает настоящей горянке.

– Добрый вечер! – сказал юноша, который был, как и вчера, на белом коне, в той же одежде.

– И тебе доброго вечера! – сказала я и поставила на землю свой кувшин. А юноша стоял, сведя одну бровь кверху, чуть улыбаясь, как будто спрашивая, что это значит.

– Я хочу дать понять этому роднику, что девушки не забыли о своих кувшинах, – сказала я, останавливаясь около родника, довольная тем, что сделала.

– Пока я ждал тебя, говорил ему о том же, спорил, – сказал всадник, выражая, таким образом, свое согласие со мной. Недалеко стоял его конь, время от времени пощипывая траву.

Все последующие дни были такими же сказочными, кроме последнего. А в последний вечер за ужином Деца сказала: «Говорят, что внук Нахапу, с которым ты встречаешься у родника, уехал в город. Я не знаю, что из себя представляет этот молодой человек, но родители его очень хорошие и вежливые люди.

– А он разве не отсюда? – спросила я, не поверив тому, что услышала.

– Да нет, конечно! Он был в гостях. Я давно Нахапу знаю, только поэтому была довольна тем, что вы встречаетесь. Он, говорят, сегодня уехал в город... Да, дочка, тебе надо подумать о своем будущем... Красота и молодость уходят, – продолжала говорить о своем Деца. Я почти не слышала ее, меня одолевали другие мысли: «А белый конь, бурка, каракулевая шапка? Кто это был! А был ли он вообще? Может, мне сон приснился?» Тяжелой от этих мыслей головой я подумала о том, что мне завтра уезжать. С этой мыслью легла спать и заснула...

Прошел месяц, как я вернулась домой. Однажды утром, на работе, на очередное совещание вошел человек. Представили его как нашего нового руководителя. Он не был на коне, отсутствовали бурка и каракулевая шапка. В руке папка, одет в черный костюм, повязан галстук. Посмотрел бегло на всех, пожелал доброго дня, на мне остановил свой взгляд, кивнул головой, улыбнулся, прошел на свое место и присел. Мне казалось, что совещание никогда не закончится. Я хотела услышать то, что скажет мне молодой человек, который в один миг превратил мою жизнь в сказку...

Мы молча шли по городскому парку. Шли минут пять. Теперь он был одним из многих молодых людей, которые шли по городу. Человек в галстук даже не спрашивал, ждала ли я его, не говорил о любви. Вместо этого он рассказывал, что, утомленный здешней суетной жизнью, сбежал на отдых к бабушке в горы. Чтобы не вспоминать то, что было в горах, я сменила тему разговора, потому что испугалась: он мог украсть мою сказку, которую я берегу, как берегут дорогой и хрупкий жемчуг...

Позже я часто встречала Ибрагима на работе. Но оставшегося навсегда в моих мыслях юношу на белом коне я не встречала больше никогда...

Ли́ра

Лула ЖУМАЛАЕВА
(1960 – 2019)

Лула Жумалаева родилась 18 февраля 1960 года в Грозном. Окончила филологический факультет и факультет журналистики ЧИГУ. Чеченская писательница, поэтесса, публицист, переводчица, основатель и главный редактор (2003-2019) журнала «Нана», член Союза писателей Чеченской Республики, Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Заслуженный журналист Чеченской Республики, член Союза журналистов России, член правления Союза журналистов Чечни, член ПЕН-клуба (международной правозащитной неправительственной организации, объединяющей профессиональных писателей, поэтов и журналистов, работающих в различных литературных жанрах).

С 1976 года ее произведения начали публиковать в республиканской прессе, в соавторстве ею был издан ряд поэтических сборников: «Чтобы Земле жить», «Лирика-90», «Огнем опаленные строки» и другие. Впоследствии также публиковалась в ряде центральных изданий: «Литературная газета», журналы «Дружба народов», «Российский колокол», «Ли́ра Кавказа», «Голос Кавказа». Является соавтором сборника прозы писателей Северного Кавказа «Война длиною в жизнь» (Москва, 2007).

Перевела на русский язык произведения ряда чеченских авторов: «Поэма Абсурда» Шарипа Цуруева («Вайнах», 2004); «Снов белые ночи» Мусы Бексултанова («Вайнах», 2004); «Писатель и война» Сайд-Хасана Кацаева («Вайнах», 2004); произведения Саида Бадиева, Лечи Абдулаева.

Награждена юбилейной медалью Союза писателей России. Была преподавателем кафедры общего языкознания Чеченского государственного университета, художественным редактором журнала «Стелалад», редактором отдела поэзии литературно-художественного журнала «Ичкерия», журналистом городской газеты «Столица +», литературным сотрудником журнала «Вайнах». Работала ведущим методистом республиканской научной библиотеки имени А. П. Чехова. В 2012 году она, наряду с Раисой Ахматовой, была включена в Антологию Всемирной женской поэзии как представительница чеченской поэзии.

ЗАПАХ СНЕГА СКВОЗЬ ДВОЙНЫЕ РАМЫ...

Запах снега сквозь двойные рамы.
В мире снег. И на душе снега.
Лебедь-облако, бескрылое создание.
Шеей лебеда бескрылая рука.
Запоздалым клином ряд фонарный.
Черным росчерком по белому листу.
Запах снега сквозь двойные рамы.
Руки лапками краснеют на снегу.

Я ЗАСТРЯЛА ВО ВРЕМЕНИ ОНО...

Я застряла во времени оно –
Там мы молоды и глупы.
Мир наш новый еще не достроен.
Не пируем во время чумы.
Время оно ждет нашей встречи.
Ждем мы времени наших встреч.
Не замечено нами – не мечено –
Тихо небо струится с плеч.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Мы примостимся под крылом у Ночи.
Нас примет Ночь.
Спи, Дочь.

В мир тянутся хрупкие стрелы почек.
Да сохранит их Ночь.
Спи, Дочь.

Росточек мой, мир не даёт отсрочек.
Пусть не пугает Ночь.
Спи, Дочь.

Крик. Это птица. Чего она хочет?
Рассвета. Но в мире Ночь.
Все еще Ночь. Спи, Дочь.

Малышка, обняв меня ручками, что-то лопочет.
Рассвет мой, я под крылом охраню тебя в Ночь.
Спи, Дочь.

ВОТ И ОБОРВАНЫ ПУТЫ ЗЕМНЫЕ...

Памяти Р.С. Ахматовой

Вот и оборваны пути земные.
Синяя жилка застыла у рта.
Песни земные, обретшие крылья,
Не возвратятся на круги своя.
Не возвратятся. Не потревожат
Старое сердце звучанием сфер.
Зависть статистов уже не стреножит
Легкую душу жужжанием стрел.
Мерное, тихое тиканье Вечности...
Мир суетливый в греховной беспечности
Не удосужился вспомнить тебя.
Где они –
Толпы слезливых поклонниц?
Где почитатели тихих бессонниц,

Душу твою рифмовавших в стихах?
Тихо. Сморгнулись в платочек советчики,
Со-заседатели в дрызгах копеечных.
Тихо. Безмолвствует ныне толпа.

Только в окне твоём форточка бьется
Птицей подстреленной. Серая мгла.

ТИХОЕ

Вчера повзрослевшие дети ее
выкинули, не спросясь,
хлам, что пылился в кладовке:
мятые, но почему-то
надраенные до блеска
кастрюли;
чайник с отбитой эмалью,
тоже, зачем-то, очищенный
тщательно содой.
Вынесли из дому
старые снимки,
с которых родители,
в мешковатой одежде, юные,
смотрели на них,
улыбаясь наивно,
не замечая убогости быта,
что их тогда окружал.
Сожгли на костре
крохотные смешные
башмачки и платьица детские,
«старорежимные шмотки»,
которых сейчас и не носят...

В сумерках
она почему-то долго стояла
над тем пепелищем.
Потом, не поужинав, рано легла,
не пожелав, как обычно,
доброй им ночи.

Впрочем,
никто не заметил этих деталей –
в ожидании нового дня,
полного дел и забот.

Глупая старая женщина
тихо проплакала ночь,
боясь разбудить
уставших от дел домочадцев.

Утром
красивые сильные дети ее,
наскоро перекусив,
выбегали из дома –
учеба, работа, дела...
Хлопая дверью прихожей.

Тихая женщина
молча сидела в доме пустом.
Сквозняком заносило
в комнаты
запах гари вчерашней...

Старая женщина
тихо сидела в доме. Чужом.

ВСЕ ТАК ЖЕ ТИХИ ПРЕДОСЕННЕЙ ПОРОЙ

Все так же тихи предосенней порою
Забывшие кущи Эдема.
Все так же беспечно, в полдневный покой,
Резвится наивная Ева.
Все так же медово светятся дни.
Все так же сгнивают замшелые пни.
Все та же, початая, тема
Для дурней – извечной дилеммой.

ВОТ И СВЯЗАЛА НИТЬЮ ЗВЕНЯЩЕЙ...

Вот и связала нитью звенящей
Два Божьих мира судьба.
Божьей коровкой, покой потерявшей,
Будет сновать душа.
Детские всхлипы и детские беды –
Благость омоет порог.
Там – тишина и безмолвное пенье...

Зелени островок.

ЭТА АЛЛЕЯ СКВОЗИТ ЗАТЕРЯВШИМСЯ НЕБОМ...

Эта аллея сквозит затерявшимся небом.
Длинные четки деревьев. Пахнет былинкой
роса.
Вот облака – со вчера – полузабытого лета.
Те, что мелькнут на границе сегодня
и завтра-числа.
Тихие рамы долин, где не посеяны были.
Гулкие громы зерна в полусухом колоске.
Эта аллея сквозит – в сумерках –
тлеющим лесом.
Небо сверчком верещит в потной руке.

СУМЕРКИ. СТЕПЬ. ПУСТОТА. КОВЫЛЬ...

Сумерки. Степь. Пустота. Ковыль.
Ветер свистит под сереющим небом.
Словно никто в этом мире и не жил.
Словно одной мне дарована быль.

Ночь, твой огромный таинственный купол –
Он нависает и тяжело, и гулко.

Я ничего не успела услышать,
Но... виснет над миром свинцовая груша.

Но замирает чутко мой рупор...
В предощущении мерного стука.
Грубая сущность основ мироздания...
Всё это – слишком реально в сознание.

Я задыхаюсь в тягучем дурмане –
Сушит мне душу непознанность тайны.

Я ОБРОСЛА И ПЛОТЬЮ, И СУДЬБОЙ...

Я обросла и плотью, и судьбой.
И сердцевину тихо точат черви...
И только Имя, сотворенное тобой,
Вкруг головы – круги все уже чертит.

Из этого клубка – и жизнью, и смертей –
Ты хочешь вытянуть прямую нить Судьбы.
Но – как бы ни были нетерпеливы мы –
Страниц заветных Бог нам не откроет.

Он не откроет таинства Любви
К живущим тварям, к деревьям, к камням...
В какую б синь дороги ни веди –
Не исходить нам собственных вселенных.

Не говори ж о чувствах. Не чуди.
Твое «люблю» нам тайны не изгонит.
В какую б дверь ни постучались мы –
Мы ищем лишь себя, любовь – к себе – нас водит.

Я обросла и плотью, и судьбой.
Но сердцевину тихо точат черви
Сомнений, не предвиденных тобой.
И все ж Любовь круги – все уже – чертит.

МОЛЧИ Я ГОД...

Молчи я год – и год бы промолчал.
Кто сфинкс, кто змей? – Органика и урны.
На жизнь вперед ты столько загадал.
Но – пара месяцев – и не нужны котурны.
Так нам легки забывчивость и скука.
Так мне легка забвенья благодать.
Молчанье – роскошь. Словеса – докука.
Вот – тянется рука нить оборвать.

СОБИРАЮ В ЛАДОНИ КОРОТКИЕ «ДА»...

Собираю в ладони короткие «да»,
Словно звезды снежинок с вечернего неба.
Мягким светом искрятся в мороз провода
Фонарей, что нелепо застыли под снегом.
Собираю в ладони осколки-слова.
Словно Кай, что стыкует из них пропуск в
Вечность.
Но давно побелела моя голова.
И тоску не сменяет былая беспечность...

МОЙ МОЛЧАЛИВЫЙ СОБЕСЕДНИК...

Мой молчаливый собеседник.
За годом год – на нить судьбы –
Жемчужины забытых истин
Нанизываем. Я и ты.

Пространство в нас запечатлело
Боязнь времен, боязнь мечты.
Прорваться в мир – благое дело.
Но – не посмеет. Я и ты.

Пространство – миг. Пространство – Вечность.
На душах сирых – пелена.
Мы платим жизнью за беспечность.
За радость – новая цена.

За глупость юности жестокой,
 За низость падших, блеск знамен,
 За скудость данных нам истоков,
 За жен, увядших вне времен,

За щебет птиц весенних – ранний,
 За поздний сплин, дождей сезон –
 Усталостью души мы платим,
 От дум согбенною спиной.

Мой слушающий собеседник,
 Все иссушает маета.
 Все тот же ты. Все та же Вечность.
 Но я не та. Уже не та.

О мой желанный собеседник,
 Соратник и наперсник мой,
 Мой маятник уже замедлен...
 И круг сомкнулся меловой.

В ЛАДОНИ – КАПЛЕЙ – ПАВШАЯ ЗВЕЗДА...

В ладони – каплей – павшая звезда.
 Земные истины отсвечивают ало...
 Иуд чужой судьбой короновав,
 Мир обретает право на усталость.

Все знает... Что земля их ждет в объятья.
 Что тихим тропам суждено опять
 Свести в звериной схватке кровных братьев.
 Что совестливость – им плохой судья.

Что на челе у каждого – проклятье.
 Что каждый знает запахи врага...
 Что в мглу уходят маршем – рать за ратью.

И каждый, в миг агонии, сведет
 В простую арифметику суть Тайны,
 Что стережет могил шершавый свод
 Привычным блеском черенков лопатных.

Ракеты свистом прорывают мрак.
 Шумит волна белесого тумана.
 Не верим и не просим. Тишь да гладь.
 Лишь души страхом нового объята.

ТО МЕСТО ВО ВСЕЛЕННОЙ...

То место во Вселенной, где Судьба
 Определила мне начать страницу
 Вариативных жизней, – есть Тюрьма.
 Не буду повторять известных истин,
 Что нет в стране моей ни Чести, ни Добра,
 Ни Добродетели, ни Правды истой...
 В ней нет Души. Она – суть Конура
 Собачьей Преданности Кости Сущей.

ТЫ ИДЕШЬ В ЭТОТ МИР...

Ты идешь в этот мир, малец. Ты знаешь его?
 Вон – над теплой жилплощадью –
 Кружит в ночи воронье. Видишь?
 Вон лазурный погост под ничьей пустотой.
 Ветер трубно поет над чугунным замком.
 Слышишь? Этот смех. Этот плач.
 Слабый писк малых птах над гремящей
 листвой.
 Отсвет дальних зарниц и молчанье корней.
 Это дерево вряд ли запомнит тебя.
 Вспомнишь?
 Тихий шепот в ночи. Тонкий вскрик поутру.
 Ненадолго – прозрение полдня. Полно!.. –
 Канешь, как и все, в пустоту.
 На паденье твое, как круги по воде,
 Отзовутся годичные кольца.

ТЕБЕ

Лишь обрела – теряю. Долгий путь –
 Пунктиром обрываясь – лег меж нами.
 Ты так же ощущаешь пустоту?
 И так же маревом скрываются глазницы?
 И за дугой грудинной мерный стук –
 Отчаянья – рвет веры плащаницу?
 Не знаю, что есть это. Почему
 Так долог поцелуй надежды тайной:
 Холодных уст коснется беспечально
 И упорхнет в пустую синеву.

И ОСЛАБЕЕТ ВОЛЯ...

И ослабевает воля. Надоеет
 Спротивляться ходу перемен.
 Заговорит придушенная плоть:
 Начнет насиживать цыплят,
 Радеть о гнездышке, о корме,
 Искать в другом оплот.
 Глобальные проблемы отойдут.
 Покажутся смешными трагедии,
 Метанья духа и эта ересь о смысле бытия.
 Планета, перестав скакать вокруг оси,
 Устроится удобней на китах.
 И в свой урочный час на небесах
 Вывешиваться будут то луна, то солнце.
 Метаморфозы происходят просто
 и безболезненно...
 Трапедия. Из нее сколотим
 Прямоугольник миленькой квартирки.

С окошками на солнце.
 Припадки гениальности пройдут.
 Похорошею. Округлюсь.
 Начну любить. Заигрывать. Слегка.
 И буду счастлива сытым созерцанием.
 Из окон – стенка.

В ДОЛИНЕ РОЗ ПАДУТ ТУМАНЫ...

В долине роз падут туманы
 В предутренний заветный час.
 Обманет негою дыханья
 Любовь наивных, малых нас.
 В долине вечность осиянна.
 Пьянит дурманом тихий сад.
 Когда бы ведать нам заране,
 Что рок готовит: мед ли, яд...

ПТИЦЫ

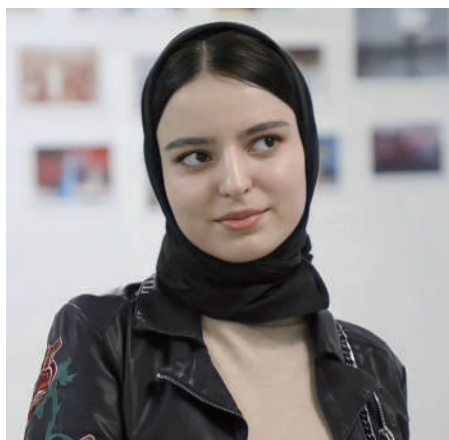
Тех птиц, что в мир входили с нами, – нет.
 Мир сотню раз за годы обновился.
 А мы – по-прежнему – в хвосте земных комет.
 И перед мертвой совестью винимся...

Тех птиц, что с нами были, в мире нет.
 С Земли стирает время наши меты.
 Столпы и толпы тонут в волнах Леты.
 Лишь рябью вод отмечился их след...

Тех птиц, что нам дарили крылья, – больше нет.

Радима СУМБУЛАТОВА

Мактуб

/Рассказ/

«Добрый день! В этом дневнике, купленном вчера вечером перед уходом домой с выставки в магазине «Все за 45», аккуратном строении из красного кирпича, освещенном ярко-коричневым светом, я расскажу вам одну историю, которая запомнилась на долгое время и стала в каком-то смысле моей путеводной звездой...

Я работаю в онкологической больнице. Неприятная атмосфера вокруг, понимаю. Каждый человек выбирает свою профессию: кто-то хочет быть учителем – научить детей всему, чему научился сам, кто-то – журналистом, с целью освещать все темы мирового масштаба. А я выбрала эту профессию потому, что у меня... умерла бабушка. Вы можете возразить: мол, человек не создан, чтобы жить вечно. Да, никто не смог ей помочь. Я все-таки задавалась вопросом: «Почему столько врачей было вокруг и никто не смог сохранить ей жизнь?» Каждый человек подчиняется своим особым правилам, а я верю в Высшую силу. «Мактуб – так было предназначено».

Каждый день, находясь среди «тяжело больных» стен, впитавших все болезни этого пространства, я становилась менее милосердной. Эти стоны, молитвы, сочувствующие родственники – все это запечатлелось в моей памяти, будто записывалось на кассеты. Кто-то вдыхал полной грудью морской ветерок на берегу моря в Дубае, а кто-то в очередной раз задыхался в собственном поту, желая освободиться от невыносимой боли. Мое внимание привлекла пациентка по имени Карина. Конечно, каждому уделялось должное внимание, и никто не был нами отвергнут. Но она была особенной. Какая-то искра зажигалась в ней, становясь огоньком как для врачей, так и для всего персонала больницы. Она постоянно рисовала. И днем, и вечером, и даже ночью во время моего дежурства я видела ее с кистью в руках. Рисовала море, скалы, леса – все прекрасное, что есть на этом белом свете, используя ярко-светлые цвета, предаваясь своему воображению. Один рисунок охватил мои мысли дольше обычного. Думаю, даже сам Леонардо да Винчи не хранил так усердно в мыслях свою картину «Мона Лиза», на которую потратил целых четыре года.

Я зашла к ней в палату. Это было летним днем, когда солнечные лучи обжигали кожу, покрывая тело загаром. Мы просидели с ней вместе пару часов. Часы тикали и постепенно стали громом стучать в голове.

– Это наш дом! – промолвила она с улыбкой, рисуя ровными линиями очертание своего жилья.

– Вот наши окна. Я часто сидела на подоконнике и удивлялась тому, как может образоваться иней на поверхности в зимние ночи.

– Это наш забор, цветы, которые мы посадили с мамой. Она сажала розы, но я всеми силами уговаривала ее посадить одуванчики. «Так нельзя, – отвечала мама. – Они нам не подчиняются, живут сами по себе, где захотят, там и вырастают. Подует ветерок, и их уже нет».

К каждому новому году мы разукрашивали дом гирляндами. Утром я просыпалась раньше всех и проверяла наличие подарков. Их было очень много. И все они были моими.

– Это мой отец. Вот моя мама, – прошептала она, не спеша. – Папа рассказывал, как они с мамой познакомились. Они учились вместе. В маме я видела себя: ту маленькую девочку, которая лезла всюду, выказывая нескончаемую энергию. Весь мир казался добрым. Вероятно, в то время он и был таким. Все краски имели какую-то цветовую гамму, сливаясь между собой, не нарушая гармонию искусства.

– А это – я, – начертила она фигуру легким движением руки. – Вот облака. Это солнце, – продолжала она. – Трава, птицы.

Внезапно она отбросила краски, оставив лишь большой черно-жирный маркер. Задумавшись на минуту, надавила его на портрет... Быстрыми движениями начала портить свое творение.

– Что ты делаешь? – вскрикнула я от удивления, но не стала ее останавливать. Скоро весь ее рисунок стал черным пятном...

– А это моя болезнь, – выговорила маленькая девочка, которая пряталась от внешнего мира под улыбкой, не желая принимать реальность жизни.

Я обняла ее крепко.

Повседневная рутина отнимала много времени. Дни пролетали, как птицы, которые уходили в теплые дали, позабыв о родимых краях. Каждый шел своей дорогой, многие блуждали, не зная куда идти.

Я заходила к ней каждый день. Мы разговаривали каждый о своем и собирали пазлы. Ей было всего лишь восемь лет, но было такое чувство, будто мы родились в один день и выросли вместе. Придя как-то на работу, я напрямую отправилась к главврачу. В этом кабинете все было тривиальным: стены давили невидимыми силами на легкие, вмиг закружилась голова. Врач смотрел на пол. Обледеневшее лицо, покрытое морщинами, сморщилось вдвойне, будто он таил в себе тайну человечества и не мог ее выдать.

– Вот, прочитай, – протянул он письмо, опасаясь моего взгляда.

«Здравствуйте! Я пишу вам издалека. Надеюсь на ваше милосердие. Я прожила с ее болезнью довольно-таки достаточно. Я молода. От меня ушел муж, боясь взять на себя такую ответственность. Боюсь, не справлюсь с ней. Слишком тяжелая ноша легла на мои хрупкие плечи. Надеюсь, вы не будете судить меня строго. С уважением, Елена, мама Карины».

Какая-то пустота лезла мне в душу, затмевая все остальные чувства. Разве такое возможно? Не проронив ни слова, я вышла. Сердце билось настолько сильно, что было готово выскочить и разбиться возле моих ног.

Карина ничего не знала. Мы сказали ей, что ее «мать» уехала по неотложным делам и вернется не скоро. Все шло своим ходом. Но в последнее время состояние девочки ухудшалось. Количество лекарственных средств увеличивалось. Уколы... Капельницы... Мешки под глазами...

У меня не было выходного дня. Я полностью отдавалась ей. Она стала главным человеком в моей жизни. Наши совместные рисунки, общие фотки были накрыты капсулами... Дни стали короче. Как-то на осмотр приехала главврач из главной городской больницы.

Осмотрев Карину, она стала докладывать:

– Все очень плохо, у нее начинаются приступы.

– Пройдемте в коридор, – оборвала я ее монолог.

– Нет, – покачала она головой. – Девочка должна все знать и быть готова к этому. Начало приступов означает, что ее конец близок. И это есть истина. Мы должны принять все это и не заикливаться на отдельных деталях. Осталось две недели – максимум...

Карина слушала очень внимательно. Она все понимала.

– Сколько тебе лет, деточка? – спросил врач ласковым тоном.

– В следующем году будет девять, – ответила она.

С ее ответом на меня обрушились небеса, и все на этой чертовой земле превратилось в прах. В ушах гремели слова: «Две недели максимум...» Как может такая большая вера уместиться в такой маленькой девочке?! Каждая минута приближала ее конец. Люди жили своей жизнью, радовались ее отдельным моментам и, проходя мимо больниц, не могли прочувствовать через ее бетонные стены боль Карины. Боль хочет, чтобы ее чувствовали, она ядом проникает во все уголки тела и пожирает острыми укусами.

Девочке – всего восемь. И это время, чтобы познавать мир во всех его прелестях. Она рисовала все реже и реже: не было сил даже на разговоры. Заходя к ней, я заставляла ее спать. Частые глубокие вздохи затмили разум. Страх ли это? Или облегчение перед концом всех страданий?!

Время уже было обозначено: две недели, максимум, не больше. Каково же ей – знать дату своей смерти? Это как срок годности на товара...

– А я как одуванчик? – спросила она небрежно. – Так рассказывала моя мама: «Подует ветерок, и их уже нет». Почему вы улыбаетесь мне через силу? Я ведь жива. Все понимаю. Но я дышу, как и вы все. Я просто заболела. Наша соседка Люба однажды заболела гриппом, ей сделали укол, и ее отпустило. Меня тоже отпустит, вот увидишь. Я слушаюсь медсестер, и они мне делают уколы. Принимаю все лекарства своевременно. В скором времени я вылечусь, как тетя Люба, и мы будем ходить с тобой по парку, кормить голубей. Пойдем же, погуляем, как раньше, – потянула она меня за руку и... упала на пол...

...Разряд... Ток... «Мы не сможем ее спасти», – слышен встревоженный голос врача. Разряд... Ток... Пульса нет...

Шел дождь. Капли бились по стеклам, стремясь проникнуть вовнутрь. Эта ночь была темнее всех прошедших, будто все звезды погасли одновременно. Или, может быть, они тоже сплотились в ожидании чуда? Дождь не прекращался. Казалось, он мог утопить весь город и разнести все, что стоит на пути.

– Есть пульс! – сердце вздрогнуло от этих слов. У хирургов загорелись глаза.

– Продолжаем операцию, – вскрикнул приказным тоном главный из них.

Один час. Второй. Каждое движение руки отсчитывало минуты жизни. Дождь перестал лить. С удивленно-шокированным выражением лица к нам в коридор вышел хирург.

– Я не понимаю, как это возможно...

– Что случилось?!

– Будто всего этого не было... Бесследно...

– Объясните, в чем дело?

– Болезнь отступила без всяких на то признаков. Она спасена...

Она вылечилась! Своей верой смогла загнать эту болезнь в угол и дать ей отпор. Все смотрели на нее, как на смертника, но только она одна знала, что сможет перебороть болезнь, что боролась против ее существования. Она вылечилась, хоть и твердили люди, что это невозможно по медицинским прогнозам».

...Возвращаясь вечером домой с выставки картин, которая стала самой грандиозной за последние десять лет, я купила блокнот и решила написать о том, что было испытано мною в последнее время. Я и была той маленькой девочкой, хоть от меня отказались мои родители. Никто не интересовался моей болезнью, кроме того врача, от лица которого была написана эта история.

«У нее не было ничего позитивного для исцеления!» – подумаете вы. Это не так: у меня была вера! Вера, которая выдернула меня из темного царства и окунула в свет. Никто не верил... И никто не мог предугадать такой счастливый конец.

«Мактуб – так было предназначено».

Ли́ра

Бану ГАЙТУКАЕВА

БІАЪРГАШНА БІАЪРЗЕ ХИЛЛА...

Біаьргашна Біаьрзе хилий
 Яха боху соьга.
 Лергашна кьора хилий,
 Лела боху соьга,
 Магтана догІа тоха
 Іама боху соьга,
 Ас шун бакьдерг доьху дела,
 Со гальяьлла боху соьга,
 Елхаран метта соьга
 Тахана ела боху,
 Еларна мета соьга
 Тахана елха боху,
 Лайн амалш йолчу нахах
 Элий лара боху,
 Дела воцу мунепикъаш
 Соь кьобалбе боху.
 Бешерийн мур бу боху
 Иштга чолхе хІуттуш,
 Керла пачхьалкх кхуллу боху,
 Маьрша синош дойуш,
 КІант шен ден дуйхьал хІоттар
 ГИллакхе ду боху.
 Вашас ваша цийла керчор,
 Газот хуьлу боху.

Біаьргашна Біаьрзе хилла
 Лела ца ло, лела!
 Лергашна кьора Хилла,
 Яха ца ло, яха!
 Когах хьерча кьинойн маша,
 Цо галдоху болар,
 Сан Нохчийчов, мичхьа ду-те
 Хьан лазамийн доза?
 Со хьан Іуьйре леа йоллу,
 Дитна пелхьойн ловзар,
 Со хьан суьйре лаха йоллу,
 Бицбеш хилла хьовзам,
 Со дІайоьду лаха, делахь,
 Хьан лазамийн доза,
 Цийлахь Іуьллу сан кортали
 Соьга хьобжу доьхна...

* * *

Со йинчу дийнахь...
 Марчонна юьхьигаш
 Тега дІадолало Іалам.
 Со йинчу дийнахь
 Делха дІадолало тезетахь дахар.
 Со а йоблху цуьнца
 Со йинчу дийнахь
 Миэл бала барз боцуш беллачу нехан
 Сан синна тІе дуйжу,
 Со йинчу дийнахь...
 КьинтІера довлалаш, доттаГий.
 Со тойнехь шайца ца Іарна,
 Со йинчу дийно,
 Дуйненчу а далаза
 Хьийзинчу сан синан мохь
 Сан лере кхоьхьу,
 Со йинчу дийнахь...
 Йина де сан дан а дац,
 Сан са а дІадоьду.

Дуьненчу а далале лазийначу
 Сан сина йина де хуьлу?
 Со йинчу дийнахь...
 Той дицдой, миска са
 ДІадоьду Пум-Азе делха...
 Со йинчу дийнахь...
 Йина де-м сан дан а дац,
 Амма ду – дуьненчу далаза
 Са дийна де...
 Пелъеллий хьо? КІадъеллий хьо?
 Хъайн корта сан кара биллий,
 Цхъа жимма садаҭахъа,
 Цхъа жимма дог дастахъа...
 Са маьрша, дог довха,
 Куьг цІена Нохчийчоь!..

* * *

ДІаелла неҭарш, дІаелла!
 Кхин цхъа седа а
 ДІабай хъан стиглара,
 Кхин цхъа узар дели
 Хъан кийрара,
 Цхъа каш совдели,
 Кхин цхъа чурт тІекхийти
 Хъан латтана.

* * *

Зама! Ма сихъелла йоьду хьо
 Ла ца дугІуш сан дехаре,
 Сан лозучу сил а хьалхаяьлла,
 Сан Іийжачу дагна тІоьхула яьлла,
 Ма сихъелла йоьду хьо,
 Ма сихъелла йоьду хьо,
 Хъайн тулҭешлахь со
 Ма йигахъа со анайистан дозане.

* * *

ХІун дийр ду? Дахаран лай хилла
 Деха вай хІора а,
 ХІаллакво-кх Іедало дІааьлча
 Бакъ долу дош,

Цундела ницкъ боцуш йисина-кх со,
 Сайн дагца кьийса,
 Леча а хьожийца, кечделча шен тІемаш, стигла.
 Оф-фай, ма гІелъелла со,
 ДоттагІа, цхъажимма ойлаеш,
 Сацахъа соьца.
 ...Дахаро техкадо кху хенан Ширделла ага,
 Харцоно гІелбина бодане шен гаьнгали.

* * *

Тоийта!
 Ма де и кІезга къамелаш:
 ДІо дехъа – ялсаманехь беа нах,
 ДІо цигахь – ма луьу ког хеца хъайна,
 Нохчийчоь – дош дац и.

* * *

Устала ли ты? Намекни.
 Голову на руки положи,
 Хотя б немножко, отдохни,
 Душу мне поведай, расскажи...
 О, свободная, сердцем теплая,
 Рукою чистая, Чечня моя!..

* * *

Откройте двери все, откройте!
 Еще одна звезда твоя
 Погасла вмиг на белом свете,
 Еще один стон – свидетель я,
 Грудь твоя из себя исторгла,
 Больше стало здесь могилой,
 Еще одна тень чурта* легла
 На земле твоей малой.

* * *

Время! О, как быстро и долго мчишься ты,
 И не трогает тебя призыв печальный мой,
 Боль в душе – не угнаться, за тобою версты,
 Через скорбное сердце путь вершишь ты свой
 О, как лихо ты несешься,
 О, как лихо вьешься,

На волнах своих легко
Не носи ты далеко!

* * *

Что делать? Жизнь совсем на всласть –
Покорны мы, как слуги ей,
Ломает грубо всех нас власть,
Когда не гнемся перед ней,
И потому бессильна я
Вести спор долгий с сердцем страстно,
Так старый сокол, свесив крылья,
Глядит на небо все напрасно.
О, Боже, как же я устала,
О, Боже как же я сдала!
Повремени же, друг, постой,
И с мыслью согласишься простой,
Что мы не властны, как ни жаль,
Над жизнью, все бегущей в даль.

* * *

Довольно!
Не ведите жалкий разговор:
Вот там, мол – в раю люди живут,
Вот там, мол – царит покой, везде уют.
Чечня, – это голосов ложных хор.
Тойита!
Яхийта шайн алаша цигахья,
Ялсамани лаха, даха шу цигахь,
Сискало йина кьонахий,
Барзакьо кьагийна мехкарий,
Шайн синан клезгалла бехке ен цулла.
Ма хьае Нохчийчоь,
Цуьнан кхин а кентий бу
Цунна тлехитта...

* * *

ГаргIулеш дIайоблхуш
Цаьрца сан са а дилхина,
Амма уьш цIайогIуш
Со цаьрца ела-м ца кхиина...

* * *

Доxx хьерча сан бIаьргех,
КIайн марчо ва хилла,
Сан гуьйре, хьобга-м ца байбели
Тахна сан бала,
Дерз лета сан дагах.

* * *

ЭхI, Дуьне! Хьо тIарал гатдина суна,
ХIоттабеш бIаьргаш чу бода,
ХIара дахар иккхира йогучу цIерга,
Стигланаш хIитаеш гуора.

* * *

ДIа ладоьгIча хIара дуьне гатлуш
Ду-кха тIаьхь-тIаьхья,
Тхан дех дисна коввий, керттий санна...

* * *

Кху дуьненчоь дика мел деха,
Кхачалур яц вуонан мекха...

* * *

Когда журавли улетали на юг,
Плакала с ними душа моя,
Но, когда они прилетели вдруг,
К ним на праздник не успела я...

* * *

Белым саваном туман
Застилает мне лицо
Моя осень, – ты обман:
Горе всходит на крыльцо.
Оно вновь, как прежде, вьется,
Дождь колючий в сердце льется.

* * *

Эх, Мир! Ты стал для меня с наперсток вдруг,
Тьма кромешная – не продрасть глаза,
Жизнь эта ввергалась в жуткий адов круг,
Ниц упали голубые небеса.

КУХНЯ НАРОДОВ МИРА

БРИНЧОБА (ТАДЖИКИСТАН)

(4порции)

Бринчоба – национальное таджикское блюдо, представляющее собой очень сытный гарнир, который можно подать и как самостоятельное блюдо.

Ингредиенты:

2 помидора,
1 морковь,
2 головки репчатого лука,
2 ст. ложки подсолнечного масла,
1/3 стакана круглозёрного риса,
3 картофелины,
1 пучок зелени,
1 стакан воды,
соль – по вкусу,
перец – по вкусу.

Способ приготовления:

Лук и помидоры нарезать кубиками, морковь – тонкими брусочками. Подготовленные овощи обжариваются в большом количестве жира или масла. Затем добавить к ним промытый рис, нарезанный кубиками картофель и долить воду. Посолить и поперчить. Накрыть крышкой, и готовить на небольшом огне не менее 30 минут. Подавать блюдо к столу с зеленью и сметаной.

ЛЕПЕШКИ СЛОЕННЫЕ ПО-ТАДЖИКСКИ

(4 порции)

Слоенные лепешки по-таджикски жарятся на сковороде. Их при желании можно посыпать сахаром, а можно приготовить и с луком.

Ингредиенты:

3 стакана муки,
1 ст. ложка дрожжей,
100 г сливочного масла,
растительное масло (для жарки) – по вкусу,
соль – по вкусу.

Способ приготовления:

Приготовить тесто: дрожжи развести в теплой воде и влить в просеянную муку. Добавить соль и замесить мягкое тесто. Поставить его в теплое место, примерно, на час, чтобы поднялось. Затем тесто раскатать таким образом, чтобы получился очень тоненький пласт. Растопить сливочное масло и хорошо смазать все тесто.

Теперь нужно завернуть тесто на длинную и тонкую скалку рулетом. Разрезать вдоль скалки и убрать скалку.

Разрезать тесто на 3-4 длинные полоски. Каждую полоску свернуть кружочками, а концы полосок защипнуть, чтобы они не раскрылись.

Слегка придавить лепешки и раскатать не тонко, а по размеру сковородки, и оставить на 15 минут, чтобы они «подошли».

Жарить лепешки на растительном масле на среднем огне с двух сторон – до появления румяной корочки. Если на тесто вместе с маслом положить нарезанный и промытый лук, то получатся вкусные луковые лепешки.

ТАДЖИКСКИЙ ЧАЙ «ШИРЧОЙ»

(2 порции)

Чай появился в Таджикистане в 19 веке, но в рецепт его приготовления сразу была внесена поправка – вместо воды стали добавлять молоко. Этот чай «Ширчой» (молоко – «шир» и чай – «чой») или, как его еще называют, шурчай хорошо утоляет жажду и восстанавливает силы. Готовят его из кипяченого молока и черного (или зеленого) чая. Пьют утром, чтобы придать организму сил и энергии. Такой чай считается очень полезным, и его советуют пить людям с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Ингредиенты:

150 мл молока,
150 мл воды,
2 ч. ложки чая,
2 щепотки соли,
10 г сливочного масла.

Воду нагреть в ковше или кастрюле, добавить чай. Кипятить чай ровно 1 минуту. Добавить в напиток молоко и снова кипятить 3 минуты. Посолить по вкусу. Процедить чай в пиалу или чашку. Положите в него кусочек сливочного масла. Подавать со свежей и сладкой выпечкой.

АНТЕП ЭЗМЕСИ (ТУРЦИЯ)

(4 порции)

Ингредиенты:

3 помидора,
2 сладких перца,
1 острый перец,
2 ст. ложки томатной пасты,
1 пучок петрушки,
½ ч. ложки сушеной мяты,
1 ложка лимонного сока,
1 ст. ложка оливкового масла,
соль – по вкусу,
перец – по вкусу.

Антеп эзмеси – традиционная турецкая закуска на основе помидоров и перца, которую подают перед основным блюдом. Эта довольно острая овощная паста прекрасно освежает и разжигает аппетит перед насыщенной турецкой едой. Можно подать с хлебом, положить на гренки или подать отдельно в чашке.

Подготовленные помидоры и перцы необходимо порезать острым ножом на мелкие кубики. Добавить к овощам томатную пасту и нарезанную петрушку. Полить лимонным соком и оливковым маслом. Посолить, поперчить и перемешать.

ТУРЕЦКАЯ ЛЕПЕШКА ГЕЗЛЕМЕ

(5 порций)

Традиционные турецкие лепешки гезлеме готовят из простого теста с разной начинкой – от сыра, овощей до разных видов мяса – на специальных сковородках «садж». Если у вас такой нет, просто обжарьте на обычной сковороде без

масла. В качестве начинки идеально подойдет зелень и сыр: шпинат, базилик, петрушка и брынза (или фета).

Ингредиенты:

100 г муки,
60 мл воды,
1-1,5 ч. ложки оливкового масла,
1 щепотка соли,
пучок зелени,
сыр – по вкусу.

Способ приготовления:

В миску просеять муку, добавить соль, влить воду и масло. Замесить мягкое тесто, скатать в шар, обернуть пищевой пленкой и отправить в холодильник на час. Затем разделить тесто на 3 части. Каждый шарик необходимо раскатать в тонкий пласт – от центра к краям, формируя круг, примерно, диаметром в 30 см. Подготовить начинку: мелко нашинковать зелень. Сыр (брынзу или фету) раскрошить руками. Посыпать пластины начинкой. Завернуть сначала противоположные края снизу и сверху, а затем боковые края – наподобие конверта. Жарить на разогретой сковороде до готовности с обеих сторон. При желании, можно добавить немного растительного масла, но обыкновенно гезлеме готовят на сухой сковороде – по 4-5 минут с каждой стороны. Готовую лепешку смазать сливочным маслом и подавать к столу горячими.

ФАРШИРОВАННЫЕ КАБАЧКИ ПО-ТУРЕЦКИ

(9 порций)

Ингредиенты:

3 молодых кабачка,
200 г мясного фарша,
1 головка репчатого лука,
1 ст. ложка булгура,
3 ст. ложки риса,
3 ст. ложки томатной пасты,
соль – по вкусу,
перец свежемолотый – по вкусу,
специи – по вкусу.

Специи для фарша можно брать на свой вкус – в Турции, например, часто используют сухую мяту. Также можно добавить в фарш лимонный сок.

Каждый кабачок разрезать на 3 части – где это необходимо, отрезать немного кончик для устойчивости. С помощью чайной ложки удалить середину, оставляя стенки и дно. Рис и булгур промыть несколько раз и залить кипятком на 10-15 минут. Лук мелко нарезать и обжарить до мягкости. Добавить фарш и обжарить до полуготовности, а затем – 1 ст. ложку томатного

соуса. Перемешать и обжарить в течение 1-2 минут. С крупы слить воду. Выключить плиту, добавить в фарш любимые специи и крупу. Всё тщательно перемешать. Можно добавить зелень. Посолить и поперчить по вкусу. Кабачки внутри немного подсолить и плотно наполнить фаршем. Наверх каждого кабачка положить кружок помидора. Сложить готовые кабачки в сотейник. В отдельной посуде смешать 1-1,5 стакана воды

с 2 ст. ложками томатной пасты. Посолить по вкусу и влить в сотейник. Соуса должно быть не больше половины сотейника. Довести до кипения и готовить на медленном огне под крышкой 35-40 минут.

КУЧЕРИКАС (ГРЕЦИЯ)

(на 4-6 порций)

Кучерикас – это традиционное греческое блюдо, представляющее собой баклажаны, запеченные с сыром, творогом и зеленью. В начинку кучерикас иногда добавляют грибы, но только в полуготовом или готовом состоянии.

Ингредиенты:

3-4 баклажана,
100-150 г творога,
100 г твердого сыра,
1 яйцо куриное (вареное),
укроп свежий (или кинза) – по вкусу,
петрушка свежая – по вкусу,
3-4 зубчика чеснока,
соль – по вкусу.

Способ приготовления:

Яйцо сварить заранее. Баклажаны помыть, отрезать плодоножку и разрезать вдоль пополам. В таком виде варить их в кипящей подсоленной воде ровно 10 минут. Сыр натереть на крупной терке, яйцо мелко нарезать, чеснок и зелень порубить. Чайной ложкой выбрать мякоть из горячего баклажана таким образом, чтобы получились «лодочки». Мякоть мелко порубить. Ту часть, в которой очень много косточек, можно убрать. В миске соединить подготовленные ингредиенты, творог и мякоть баклажана. Все

хорошо перемешать и посолить по вкусу. Начинить баклажаны сырно-творожной массой и поставить запекаться в разогретую до 180 градусов духовку на 20-30 минут. Украсить свежей зеленью и подавать к столу.

ЦАЦИКИ ПО-ГРЕЧЕСКИ

(4 порции)

Цацики (он же дзадзики) – традиционный холодный соус с пикантным ароматом, который подают к мясным блюдам и жареной рыбе. Соус цацики является типичным блюдом греческой кухни, но он также довольно распространен в Турции. Цацики подают к столу с кусочками овощей, хлебом или крекерами. Соус цацики очень питательный и полезный, хорошо сочетается с мясными блюдами и жареной рыбой. Хранить его рекомендуется в холодильнике в стеклянной посуде.

Ингредиенты:

375 мл натурального йогурта,
3 свежих огурца,
5 зубчиков чеснока,
4 ст. ложки оливкового масла,
4 ст. ложки лимонного сока,
перец, соль – по вкусу,
зелень – по вкусу.

Способ приготовления:

Свежие огурцы очистить от кожуры и семян и натереть на мелкой терке. Посолить и отжать через марлю. Чеснок измельчить, из лимона

выдавить немного сока. В густой йогурт добавить измельченный чеснок, отжатые огурцы, оливковое масло, лимонный сок и зелень – и приправить полученную смесь черным перцем и солью. Тщательно перемешать и слегка взбить.

ТЕСТО ФИЛО ПО-ГРЕЧЕСКИ

(4 порции)

Тесто фило очень популярно не только в Греции, но и в Европе – тонкое и невесомое, оно очень подходит для приготовления пирогов, тортов и любой другой выпечки. Хорошо переносит заморозку и хранение в морозильной камере до полугода.

Ингредиенты:

900 г пшеничной муки,
1 ч. ложка соли,
300 мл воды,
5 ст. ложек оливкового масла,
1,5 ст. ложки лимонного сока.

Для его приготовления необходимо в миске смешать муку с солью. Порционно добавлять, смешанную с лимонным соком, воду. Тесто интенсивно вымесить. Добавить оливковое масло.

Вымесить повторно. Завернуть в пленку и положить в холодильник на 2 часа.

Достать тесто из холодильника и дать ему достичь комнатной температуры.

Разделить тесто на несколько частей, и руками растягивать каждый кусок в разные стороны, чтобы его толщина стала такой же тонкой, как лист бумаги.

Выпекать тесто фило, предварительно смазав сливочным маслом каждый слой.

ОЛАДЫ ПО-ГРЕЧЕСКИ

(6 порций)

Ингредиенты:

1 стакан пшеничной муки,
2 стакана воды,
½ стакана сливочного масла,
3 яйца,
6 ст. ложек растительного масла,
2 ст. ложки меда,
корица молотая – по вкусу,
соль – по вкусу.

Приготовление оладий (блинчиков) с медом и корицей: в кастрюлю налить воду, в которую кладется сливочное масло и соль. Довести все до кипения. Как только вода закипит, в кастрюлю всыпать муку, которую необходимо очень быстро перемешать и проваривать до тех пор, пока смесь не загустеет. Дать ей немного остыть. Затем добавить по одному куриные яйца. Растительное масло разогреть на сковороде и ложкой выкладывать тесто. Оладьи жарить на среднем огне до того момента, пока с обеих сторон они не станут золотистыми. Подавать горячими, щедро полив сверху медом и посыпав корицей.

Рубрику подготовила Р. Берсанова

